

Артефакт
детектив

Века — не преграда
для проклятия фараона.
Ожерелье Атона убивает всех,
кто к нему прикасается...

ОЛЬГА ТАРАСЕВИЧ

Ожерелье Атона

ЭКСМО

Артефакт & Детектив

Ольга Тарасевич
Ожерелье Атона

«ЭКСМО»

2007

Тарасевич О. И.

Ожерелье Атона / О. И. Тарасевич — «Эксмо»,
2007 — (Артефакт & Детектив)

В роскошном отеле Хургады все не так. Жарче египетского солнца кипят страсти, разбиваются сердца, и обрываются жизни. Кажется, сама смерть загорает в шезлонге, иногда прерываясь для того, чтобы собрать новую кровавую жатву. Один за другим умирают русские туристы: все они охотились за ожерельем Атона, обнаруженным во время раскопок гробницы Тутанхамона. Завораживающая прелесть украшения таится в асимметричных гранях бирюзы, сердолика и лазурита. Яркие драгоценные камни, искрясь и переливаясь, вызывают одно-единственное желание – защелкнуть ожерелье. Похоже, века – не преграда для проклятия фараона, и драгоценность убивает тех, кто к ней прикасается...

© Тарасевич О. И., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	23
Глава третья	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ольга Тарасевич Ожерелье Атона

Все события вымышлены, все совпадения случайны.

Этой книги могло вообще не быть без помощи моего папочки, Ивана Тарасевича, который проходил срочную службу в Египте и чьи рассказы очень мне помогли при обдумывании сюжета.

Также я благодарю писательницу Татьяну Матвееву, которая консультировала меня по истории Древнего Египта.

Отдельное спасибо писательнице Наталье Саморуковой и стиль-редактору еженедельника «Обозреватель» Галине Федосеевой, в этой книге очень много и их труда.

Также хочу поблагодарить за помощь посетителей форума издательства «Эксмо», чьи советы и поддержка здорово мне помогли.

И, безусловно, я благодарю всех сотрудников издательства «Эксмо», имевших отношение к рассмотрению этой и других рукописей. Тому, как писать книги, тоже надо учиться. И, если бы не ваши терпение и доброжелательность, моих романов просто бы не существовало.

Пролог

Милая мамочка. Ты всегда так переживала, что у меня нет отца. В детстве всем малышам читают сказки. А ты каждый вечер присаживалась на краешек моей постели и объясняла:

– Твой отец не мог жить вместе со мной. У него была семья, маленькие детки. Мы не хотели любить друг друга. Мы сдерживали наши чувства очень долго, но потом... И появилась ты. Солнышко мое, и я, и папа очень любим тебя. Но я хочу, чтобы ты знала правду. Папа никогда не придет. Он не будет жить с нами ни завтра, ни через неделю. Никогда. Но я обещаю. Я клянусь. У тебя обязательно появится настоящий отец. Честное слово. Я сделаю все для этого!

Мне кажется, я прекрасно понимала, о чем речь. Настоящего папы нет. Будет новый. И вы вместе станете забирать меня из детского садика.

Знаешь, мамочка, я очень, очень этого хотела. Мои куклы могли бы подтвердить, что ночами я важно расписывала им нашу новую жизнь и даже говорила: «Вот придет папа, тогда вы уже не забалуете...»

Но дядя Леша мне не понравился с первого взгляда. Хотя он угощал меня конфетами, а ты улыбалась, мое детское сердечко зашлось от боли.

Бедные мы с тобой, мамочка, бедные. Мы честно пытались его полюбить. Ты не обращала внимания на пьянки мужа. Я старалась не плакать, когда отчим ругался на тебя, заставлял готовить еду своим друзьям-алкоголикам. Но дядю Лешу любить было невозможно, потому что чудовищ не любят.

Моя милая мамочка, ты была сто раз не права в своем желании снова не лишать меня отца. Мы жили плохо, мы жили недружно, очень бедно. И только любовь ко мне заставляла тебя отчаянно пытаться сохранить этот многолетний ад.

Я бы хотела умереть вместе с тобой.

Но ты ушла одна.

Ты ушла одна и оставила меня с ним.

Я умоляла твою сестру забрать меня к себе, но ты же знаешь дядю Лешу. Он умеет быть обаятельным, когда хочет. И тетя Лиля ему поверила! Она сказала:

– Алексей, я все понимаю. У девочки стресс. Смерть матери и взрослые переживают тяжело. А здесь же подросток, четырнадцать лет, ей больно, страшно. Пусть рядом с ней будет близкий человек.

Мамочка! Через год это животное стало мне таким близким, что я хотела покончить с собой. Да, после изнасилования я собиралась пойти в милицию. Но не смогла, не смогла. Как рассказывать про такое незнакомым людям?.. А тетя Лиля уехала в Штаты, и я осталась совсем одна. И отчим это понимал и этим пользовался. Этот говнюк насиловал меня почти каждый день...

А потом... Мамочка, потом я не выдержала.

Его прогнившие зубы обнажаются в кривой улыбке. И сразу же тянет омерзительной вонью перегара, лука, дешевых сигарет.

– Ну же, девочка, покажи класс!

– Нет! – отчаянно кричу я. – Пожалуйста, не надо. Ты же обещал! Обещал, что тогда это было в последний раз!

– Обещанного три года ждут! Кончай выпендриваться! Не зли меня! Сейчас по печени получишь, сучка!

С блузки разлетаются пуговицы.

Ты, мамочка, безмятежно улыбаешься с портрета над кроватью.

Можно еще раз вытерпеть этот позор. Смыть липкий пот под душем. Попытаться не убить себя завтра. Но тогда это никогда не прекратится.

Отталкивая отчима, я бросаюсь на кухню. Он семенит следом, путаясь в спущенных брюках, хватая нож. Потом падает на пол, случайно, а может, и совершенно сознательно пропарывая мне щиколотку. Больно-пребольно, до самой кости.

Но боль быстро теряется в пьянящем запахе крови. И я, схватив топорик для разделки мяса, опускаю его прямо на череп грязно матерящегося отчима.

Он уже не дергается, исчезли булькающие звуки, доносившиеся из горла. А я все никак не могу заставить себя остановиться. Колю, крошу, уничтожаю ненавистные лицо и тело. И даже когда милиционер перехватывает мою руку, ладонь все сжимает скользкую от крови рукоятку топорика.

Вот тогда, мамочка, я впервые отчетливо поняла: убивать – это, оказывается, так приятно. Но это тайна. Про нее надо помалкивать. Не говорить никому. Но тебе – можно. Ты же моя мамочка. Ты умерла, но я все равно чувствую тепло твоей любви...

Глава первая

Увести и убить, – коротко распорядился Эйе¹, кивая на раба-ювелира. Тот побледнел и распластался на каменных плитах перед верховным жрецом Ахетатона.²

Получивший приказ стражник, недоуменно поглядывая на Эйе, переминался с ноги на ногу. Может быть, он что-то неправильно понял? Ведь распоряжение касается лучшего ювелира во всем Египте, делавшего украшения для короны фараона Эхнатона³, да и на руках несравненной супруги пра-вителя Нефертити⁴ змеятся браслеты его работы...

– Увести и убить! – повторил Эйе.

Губы ювелира дрогнули:

– О мой господин! Чем же я так вас прогневил? Только скажите – и я все исправлю. Объясните, умоляю, что вам не по нраву?!

Под пристальным взглядом жреца стражник схватил раба, но тот вырвался из его рук и, обдирая колени, пополз к расписанному золотом креслу.

– Пощади! Пощади!

Его крик еще долго разносило услужливое эхо прохладной колоннады.

В покоех жреца, примыкавших к главной молельной комнате храма, царил полумрак. Нежный огонек, дрожащий в светло-розовом алебастровом светильнике, метался по длинным, узким сосудам с благовониями, черным маскам богов, развешанным по стенам, кинжалам в блестящих ножнах, свиткам папируса.

Отставив кубок с ячменным пивом, Эйе подошел к ларцу и осторожно извлек ожерелье. С шести золотых цепей всемогущий Атон⁵, сверкая десятками разноцветных камней, протягивал тонкие руки-лучи. Завораживающая прелесть ожерелья таилась именно в рассыпанных по обеим сторонам подвески бирюзе, сердолике, лазурите, зеленом полевом шпате и красной яшме. Асимметрично выступающие грани камней, взрывающиеся яркими цветами, вызвали одно-единственное желание: защелкнуть на шее застежку ожерелья.

Эйе довольно хмыкнул. Ювелир сделал в точности то, что от него требовалось. И именно поэтому он отправился в царство мертвых. К чему свидетели, знающие, насколько убийственна эта красота?

Убрав ожерелье, жрец опустился в кресло и устало закрыл глаза. В его памяти, как лодки по Нилу, заскользили картины недавнего прошлого.

Вот фараон Эхнатон, скрестив руки на отвисшей, как у много раз рожавшей женщины, груди, распоряжается:

– Отныне земля Египетская не станет почитать Амона⁶. Все храмы в Фивах⁷ надлежит разрушить. И никаких сфинксов у главного пилон⁸ Карнакского храма, слышите, никаких!

¹ Эйе – в некоторых источниках Эйя – жрец; по другим сведениям – визирь, муж кормилицы фараона Эхнатона или отец Нефертити и даже начальник конюшен! Впоследствии фараон Нового царства, 1327—1323 гг. до н. э. (*Здесь и далее прим. автора.*)

² Ахетатон – совр. Тель эль Амарна. В течение нескольких лет город был столицей Египта. Построен по приказанию фараона Аменхотеп IV, сменившего впоследствии имя на Эхнатон, в честь бога Солнца Атона.

³ Эхнатон – он же Аменхотеп IV – фараон XVIII династии Нового царства. Период его нахождения у власти характеризовался религиозными реформами. Фараон правил примерно в 1352—1336 гг. до н. э.

⁴ Нефертити – супруга Эхнатона.

⁵ Атон – бог Солнца, сменивший вследствие реформ Эхнатона всех многочисленных традиционных богов Египта.

⁶ Амон – по фиванской космогонии, Владыка земли. Фиванская космогония – одна из версий происхождения мира, у египтян их несколько, крупные города всегда претендовали и на статус религиозных центров, и потому существует несколько «божественных семейств». Постепенно фиванская космогония менялась, и египтяне «узнали», что помимо создания Фив Амон отдал приказ своему сыну Ирта создать Великую Восьмерку Богов, которая, в свою очередь, породила великого бога Солнца Амона-Ра. Именно Амон-Ра стал главнейшим богом Фив, его изображали в облике барана. Во многих документах

Жрецы Амона должны принести клятву Атону, а тем, кто не желает почитать всемогущего бога Солнца и меня, сына его, нет места в новом городе Ахетатоне, который предстоит воздвигнуть между Фивами и Мемфисом⁹. А имя мое надо говорить так: Эхнатон, полезный Атону. Имени Аменхотеп больше нет. Как больше нет и Амона!..

И стучат инструментами каменотесы, с уст жрецов – в том числе и его, Эйе, – льется потоки похвалы новому божеству. Вдохновленный фараон слагает гимны Атону. А за всеми этими переменами враги Кемет¹⁰ незаметно приближаются к египетским землям...

И еще одна сцена. В чернеющее небо проваливается диск солнца, рабы расставляют факелы перед царским дворцом, и вся придворная знать на секунду зажмуривается. Слепит, горит, переливается золото убранства Эхнатона, Нефертити и пяти маленьких принцесс, занятых в ритуальной мистерии. Но только Эйе знает, что ярче золота сверкают алмазы слез на черных глазах царицы. Нефертити так же несчастна, как и красива. Ведь на самом деле у нее нет любящего мужа. У ее дочерей нет заботливого отца. В гарем Эхнатона каждый день доставляют новых наложниц, с ними он проводит все ночи. И лишь объятия Эйе спасли Нефертити от того рокового шага со скалы, который она едва не сделала.

«Все правильно», – решил жрец, очнувшись от воспоминаний.

Эхнатону не место на троне. А вот ему, Эйе, корона с золотым уреем¹¹ пойдет куда больше жреческого одеяния. В конце концов, в его жилах тоже течет царская кровь. Он сможет править Египтом, вернуть расположение богов и утешить Нефертити. Осталась самая малость...

Он хлопнул в ладоши, и в покой вбежали слуги.

– Носилки мне. Пусть один из рабов возьмет вот этот ларец, – приказал Эйе, щелкнув хлыстом. – И побыстрее...

Увидев главного жреца, Эхнатон обрадованно поднялся с трона и, расправив гофрированные складки ниспадающей до колен повязки, сразу же сделал знак рукой, прерывая поток приветственных похвал. Он не любил длинных церемоний.

От внимательного взгляда Эйе не укрылось выражение озабоченности на лице правителя, и виновник тоски с подведенными голубой краской глазами находился поблизости – писец, сжимавший глиняную табличку с печатью Вавилонского царя.

– Плохие вести? – поинтересовался Эйе.

Эхнатон пожал плечами:

– Как и обычно. Я чувствую, скоро Вавилонский царь нарушит ту дружбу, которая началась еще между нашими отцами. Атон – только в нем мое спасение. Бог не предаст меня.

Едва заметным знаком отпустив писца, фараон подошел к оконному проему. Там, как рыба чешуя, сверкал вспоротый солнечными лучами Нил.

– Послушай, какие стихи родились у меня сегодня...

И, глядя вдаль, Эхнатон забормотал:

– Великолепен, Атон, твой восход на горизонте.
Живой солнечный диск, положивший жизни начало,
Ты восходишь на восточном горизонте,

частичку «Ра» опускали.

⁷ *Фивы* – древнеегипетский город, политический, религиозный и культурный центр, со времен фараонов XI династии (XXII–XX вв. до н. э.) – столица Египта.

⁸ *Пилоны* – башнеобразные сооружения в виде усеченной пирамиды, воздвигавшиеся по сторонам входов в древнеегипетские храмы.

⁹ *Мемфис* – древнеегипетский город, основан в III тыс. до н. э. Религиозный, культурный, политический и ремесленный центр, столица Египта в XXVIII–XXIII вв. до н. э.

¹⁰ *Кемет* – одно из древних названий Египта.

¹¹ *Урей*, или же уреус, – золотая змея, украшавшая корону фараона, символ неограниченной царской власти.

Красотою наполняя всю землю.
Ты прекрасен, велик, светозарен и высок над землею,
Лучами ты обнимаешь пределы земель,
тобой сотворенных.¹²

Отравленная стрела досады вонзилась в сердце Эйе. Даже царица Хатшепсут¹³ проявляла больше внимания к государственным делам. Пусть она носила мужскую одежду и даже привязывала накладную бородку, но Египет процветал при ее правлении. Эхнатона же не интересует ничего, кроме наложниц и поэзии.

Вслух же жрец высказал совершенно иное:

– Только возлюбленному сыну Атона под силу найти те слова, в которых отражается вся мощь и величие бога!

Щеки фараона заалели от удовольствия. Он собрался призвать держателя опахала, но Эйе, разгадав его намерение, упал перед Эхнатоном на колени.

– Ну что ты все время падаешь ниц? – раздраженно воскликнул Эхнатон. – Или, может, ты виновен передо мной?

«Еще как, – подумал жрец. – Но, надеюсь, в Дуате¹⁴ мое сердце все же не перевесит перышко Маат¹⁵. После того как умерший рассказывал Осирису о своей жизни, его сердце помещалось на одну чашу весов истины. На другую опускалось страусовое перо Маат. Я забочусь о благополучии Кемет. И немного – о своем собственном...»

– Позвольте сделать вам подарок, – кротко сказал Эйе, открывая ларец. – Он достоин своего правителя.

Ожерелье произвело на фараона ошеломляющее впечатление. Эхнатон замер, не в силах вымолвить ни слова.

По царским покоям запрыгали разноцветные блики. Покачивающийся на золотых цепях Атон был совершенен, как лицо Нефертити. Эхнатон, не сводя глаз с ожерелья, освободился от пластин воротника, охватывающего шею, и протянул руки навстречу божественному сиянию.

Опустив ожерелье в царские ладони, Эйе довольно улыбнулся.

Все получилось именно так, как он задумал!

В квартире журналистки и писательницы Лики Вронской царил легкий беспорядок. Замерла в ожидании распахнутой пасти сумки стопка книг. Упакованный в черный портфель ноутбук уже готов к путешествию. В полуоткрытом опустевшем шкафу укоризненно покачиваются вешалки для одежды.

– Куда? Горе мое! В Египте же жара под тридцать градусов! – Паша оторвал взгляд от упрямо не желающей застегиваться молнии чемодана и расхохотался. – Да оставь ты эту шубу!

Лица вздрогнула, непонимающе уставилась на шубку, которую упорно заталкивала в баул, потом тоже рассмеялась. Какая же она рассеянная! Мысли сворачиваются в сюжет нового детективного романа. И в этом состоянии перманентного творчества реальность совершенно утрачивает свои очертания.

Девушка украдкой бросила на бойфренда нежный взгляд. Очки еще больше удлиняют густую щеточку ресниц, мечту любой девчонки. Трогательные пухлые губы, округлый животик выглядывает из-под задравшейся майки. Такой вроде бы заботливый домашний мужчина. Только он умеет делать больно, так больно, что нечем дышать...

¹² Гимн Атона, авторство приписывают Эхнатону. Текст обнаружен на стенке гробницы Эйе.

¹³ *Хатшепсут* – женщина-фараон, XVIII династия, Новое царство, находилась на престоле в 1473—1458 гг. до н. э.

¹⁴ *Дуат* – царство мертвых в религиозных воззрениях египтян.

¹⁵ *Маат* – богиня справедливости.

Четыре месяца назад Паша исчез из ее жизни. Разве разберешь на дуэли взаимных обвинений, из-за чего весь сыр-бор разгорелся? Тут и упреки по поводу того, что Лика живет в редакции, и шипящая змея ревности, и попахивающие студенчеством клейкие магазинные пельмени.

В панике перед неотвратимо надвигающимися новогодними праздниками Лика Вронская успела наломать немало дров. Бросила работу и спряталась от проблем в придуманном мире своего первого романа. А воображаемый кровавый клубок вдруг вырвался из компьютера и чуть не поглотил ее в трясине реальных преступлений.¹⁶

Но было одно существенное преимущество в ее жизни, превратившейся в детектив. Когда близится трагический финал, реальный, как затяжная сырая московская весна, все силы уходят на то, чтобы зацепиться и остаться в этих днях. Они становятся неописуемо прекрасными. И хочется напиться серым небом и затеряться в толпе людей. Уснуть, проснуться, и в любой обыденной мелочи, оказывается, таится столько счастья. Какие уж тут сожаления по поводу не сложившейся личной жизни? Тем более что губы невольно растягиваются в улыбке и свет зеленых глаз заставляет мужчин оборачиваться. Одно лишь слово – и одиночества не будет. Только вот говорить ничего не хочется. Творить мир придуманных героев куда увлекательнее, чем обустраивать собственную жизнь. В компьютере завелся новый детектив, вот то свидание, на которое нельзя не торопиться. Все хорошо. Просто отлично. Жизнь – упоительное, пьянящее счастье...

Лика не услышала, как Паша, открыв дверь своими ключами, вошел в квартиру. С ее крепким сном можно хоть из пушки палить над ухом. Безрезультатно.

Но запах кофе заставил Лику подскочить на постели. Вот именно бодрящий аромат – это было неправильно. Запах должен появляться потом, после диска, орущего латиноамериканскую песенку. После шлепков босых ног по паркету. После разлепленных ото сна глаз...

Паша осторожно поставил на край постели поднос с завтраком. Такой взгляд, как у него в тот момент, бывает у бездомных собак и настоящих нищих.

Горечь кофе и сладость победы. Отличное начало дня. Возвращение блудного бойфренда.

– Кому-то не нравились магазинные пельмени, – многозначительно заметила Лика, подвигая поближе тарелку с бутербродами.

Паша покорно кивнул:

– Не нравились. И не нравятся. Но я понял, что мне очень нравишься ты. И ради этого я готов смириться со всем. Правда.

Колючки просыпающейся боли шевельнулись в памяти. Лика старательно выдирала этот разросшийся в сердце кактус, но такое не забывается.

– Паша. Если ты хочешь уйти – уходи сейчас. Спасибо за завтрак, и бай-бай. Где дверь, ты знаешь. Себя не переделаешь. Меня не воспитаешь. У нас хроническая несовместимость.

– Нет! Все изменится! – в его глазах уже плескалась радость. – Давай попробуем все сначала. Не прогоняй меня, ладно?..

Черта с два он смирился с засохшими болотцами кофейной гущи в коллекции невымытых чашек на кухне. И рефлекс отцовства включал пилораму нудных упреков: ну когда же, старушка, давай плодиться, репродуктивный возраст поджигает.

«Пусть ворчит. Зато рядом. Теплый. Любимый», – думала Лика перед сном, и это было похоже на счастье.

– Да ответь, в конце концов, на звонок! Когда же ты проснешься?! Мы опаздываем!

Энергичный Пашин голос побуждал к действиям. Лика отыскала заливающийся «Самсунг», в окошке которого высветилась надпись: «Шеф».

¹⁶ См. повесть «Без чайных церемоний», изд-во «Эксмо».

– Вронская, удачной дороги! Возвращайся скорее! И поаккуратнее там с арабами, договорились? Глазки им не строй, как ты это любишь делать!

– Да, Андрей Иванович. А ты без меня не пей слишком много, договорились?

– Ну ты сказала! Если не бухать, то как стресс снимать? Водка и девочки. По-другому нельзя, – назидательно заявил Красноперов и отключился.

Хитрый лис, он знал, как вернуть Лику после того, как она неожиданно для себя самой решила уволиться. Всего лишь один неожиданный звонок. Никаких упреков, ни намек на предложения о сотрудничестве. Андрей Иванович просто рассказал о делах в редакции, спросил совета, и Лика сорвалась в пропасть тоски. Поняла, что безумно соскучилась и по двум метрам брутальной красоты главного редактора, и по девчонкам из отдела светской хроники, любившим посплетничать в курилке, и по элегантным парламентским корреспондентам и бородатым неприкаянным верстальщикам.

Оказалось, в кабинете Лики Вронской за месяцы отсутствия ровным счетом ничего не изменилось...

Конечно, это дурдом – с утра писать про политику, вечером жарить Паше котлеты, а ночью выстукивать на клавиатуре главы романа. Но склонность к творчеству – это, в принципе, отклонение от нормы. В сумасшедшем ритме напряженных дней Лика чувствовала себя как рыба в воде. Да и детективы сочинялись, как ни странно, быстрее, чем прежде, когда в ее распоряжении имелась куча свободного времени.

– Ух, кажется, ничего не забыли, – облегченно выдохнул Паша, обводя комнату пристальным взглядом. – Хотя нет! Родителям ты не позвонила!

Мама порадовала Лику своей любимой фразой:

– Доченька, кушай побольше!

«Мне уже двадцать восемь лет! И каждый раз она напоминает, чтобы я не померла с голоду!» – с негодованием подумала Лика.

Но раздражение улеглось быстро.

Через несколько часов они будут в Египте. Под солнышком Хургады испарятся воспоминания о холодных пальцах промозглой весны, забирающихся под самый теплый свитер.

Схватив портфель с компьютером, Лика дождалась, пока Паша вытащит из квартиры чемоданы, и захлопнула дверь.

– Опять займешься самолюбованием. – Паша кивнул на ноутбук. – Твои героини похожи на тебя как две капли воды.

– Это не самолюбование.

– А что же?

– Это лень, Паша. У писателя собственный организм всегда под руками. Копайся в душе, передавай мысли, излагай сомнения. Элементарно, Ватсон!

Паша притворно нахмурился:

– Какая-то у тебя неправильная лень. Зачем тащить с собой компьютер? Слабо провести две недели, просто валяясь на пляже? Спорим, что тебе в Египте комп вообще не понадобится? Там столько всего интересного!

У него были все шансы выиграть этот спор. Правда, ни одной строчки нового детектива Лики Вронской не появилось совершенно по другим причинам...

* * *

По глубокому убеждению профессора истории Тимофея Афанасьевича Романова, создания противоположного пола четко делились на две категории: фемины – высокие, кровь с молоком и чтобы волосы непременно длинные, черные (хотя можно и каштановые, но на пря-

мой пробор, как у покойной супруги), и нефеминны – все отличающиеся от вышеуказанных параметров женщины.

Появившаяся в проходе между креслами стюардесса в ярко-оранжевом жилете на фемину никак не походила, а потому Тимофей Афанасьевич и слушать не стал о том, что с этим жилетом надлежит делать, если стальное брюхо самолета окунется в море. Он отвернулся к иллюминатору, за которым пушились хлопья облаков. Страшно подумать, а ведь скоро они рассеются, приближая Египет, и, может, даже мелькнет плато Гиза, пирамиды Хуфу, Хафра и Менкаура. И, конечно же, Сфинкс – 2500 год до нашей эры, высота около двадцати метров, строился, возможно, по приказу Хафра, или, как более привычно слуху большинства людей, фараона Хефрена. А потом...

Что будет потом, профессор Романов не знал. Зато он многое знал о Египте. Почти все. Теперь ему предстояла первая встреча со страной не на страницах тяжелых фолиантов. Сбывающаяся мечта пугала и манила, как робкое марево миража в пустыне.

«А чего мне теперь бояться?! – подумал Романов. – Все неприятности, какие могли случиться, уже произошли. Так что мне осталась, может, последняя радость в жизни...»

Совсем недавно на лицах сотрудников деканата застыли маски напряженной торжественности. «Маска Тутанхамона, Египетский музей, высота шедевра пятьдесят четыре сантиметра, ширина чуть более тридцати девяти сантиметров. Красота, в отличие от этих постных физиономий», – машинально подумал Романов, снимая очки и потирая переносицу. В его мыслях часто воспроизводились страницы учебников.

Должно быть, решил Тимофей Афанасьевич, изучив лица коллег, он опять прошляпил какой-нибудь праздник. Ну и бог с ним, недавняя лекция стоит всех праздников этого мира. Ах, с каким удовольствием он рассказывал о погребальном древнеегипетском ритуале! Парасхите, специальном слу– жителе, делающем первый надрез на теле усопшего, а потом убегающем со всех ног от родственников. У египтян нарушение телесной целостности даже мертвого человека считалось преступлением. Правда, преследование парасхита носило формальный характер... В общем, студенты слушали, открыв рот!

– Тимофей Афанасьевич, поздравляем вас, – секретарша Людочка (нефеминна) извлекла из-за спины букет красных гвоздик и, поднявшись на цыпочки, чмокнула сутулого профессора в щеку.

Он в изумлении пригладил венчик редких седых волос и польщенно забормотал:

– Коллеги! Но как вы узнали?! Моя монография, посвященная храмовым комплексам в Абу-Симбел, только сдана в печать. Это совершенно уникальные памятники! XIII век до нашей эры! Большой храм посвящен богам-покровителям крупнейших городов: Амону (Фивы), Птаху (Мемфис) и Ра-Горахти (как вы знаете, Гелиополь).

Декан факультета Семен Бронштейн, вежливо прокашляв недоумение, невежливо перебил профессора (в такой момент!):

– С шестидесятипятилетием вас, Тимофей Афанасьевич! Спасибо за многолетнее сотрудничество. Нашему институту будет не хватать одного из самых лучших египтологов страны.

Когда смысл слов декана дошел до профессора, мерзкие, как чудовищная морда бога войны Сета, картинки замелькали перед мысленным взором Романова. Помнится, он знакомился с курсовой работой о Медуме (прекрасная работа! «ложная пирамида», оригинальнейшее произведение Снефру, родоначальника IV династии) и, не глядя, как обычно, подписал контракт. А декан, да, он честно предупредил, что контракт этот последний – надо давать дорогу молодым. Конечно, согласился Романов, конечно, надо, кто же против молодых...

Водка тем юбилейным вечером пилась легко, будто вода.

А утром, к девяти ноль-ноль, Тимофей Афанасьевич, как рефлексующая собака Павлова, приехал в институт, совершенно позабыв о произошедших накануне событиях. Поднялся к

расписанию у деканата, искал глазами свою фамилию. И, не найдя ничего похожего, с досадой треснул себя по лысине. Ну да, ему пора на пенсию. Коллеги абсолютно правы!

Дни после этого ужаснейшего события стали какими-то совершенно невкусными. Измученный бессонницей, Романов часами перебирал томики книг, но любимые фолианты больше не приносили успокоения. Была бы рядом супруга (фемина номер один!), может, профессор меньше страдал в тисках пенсионного одиночества. А так... Игорь, сын, совсем взрослый, у него своя жизнь. Нет ничего, кроме тягучего мутного киселя застывшего времени.

Хотя... Цель есть! Есть мечта!

Стыдно кому признаться: Тимофей Афанасьевич Романов никогда не был в Египте.

Исправить. Срочно исправить это недоразумение. Времени теперь предостаточно. А вот денег...

Из конверта, спрятанного на полке за книгами, узловатые пальцы профессора извлекли всего две стодолларовые купюры. Скромный гонорар за учебник по мифологии Древнего Востока. Впрочем, чего ожидать от книги, изданной тиражом всего две тысячи экземпляров? На науке теперь много не заработаешь, на Египте и подавно, да и не стремился он к этому никогда.

Размышляя, где бы раздобыть денег, профессор успел переделать кучу дел. Выпить две чашки чая, оглядеть через окно входящую в подъезд женщину (почти фемина), повздорить по телефону с сыном, перешедшим от сдержанных намеков к заявлениям открытым текстом: «Папа, а не перебраться ли тебе в мою „однушку“, нам тесно, а у тебя двухкомнатная квартира».

Положив трубку, профессор с испугом огляделся по сторонам. Внезапно появившиеся демоны крамольных мыслей кружились повсюду, распевая сладкие песни искушения. Ну конечно, у него же есть квартира. Да, Игорю тесно в однокомнатной. Но... Египет... пенсия... одинокая старость...

Скоро в кармане серого, вечно мятого пиджака профессора Романова лежал билет на самолет в Хургаду.

– Через десять минут наш самолет совершит посадку в аэропорту города Хургада. Температура за бортом двадцать семь градусов по Цельсию. Благодарим вас за выбор нашей авиакомпании и будем рады вновь приветствовать вас на борту наших самолетов.

Задремавший профессор встрепенулся и с запоздалым сожалением уткнулся в иллюминатор. За окошком под покрывалом синего неба серела утыканная ершиками пальм бетонная площадка.

«Ну ничего, – подумал Романов, – мне ведь предстоит встреча с Каиром, успею налюбоваться бесподобным плато Гиза. И величественными пирамидами Хуфу, Хафра, Менкаура...»

«Надо собираться, – думала Алина Гордиенко, с тоской поглядывая на чемодан. – Придется поторопиться. Я и так тянула все, тянула. Через пару часов за мной должен заехать какой-то мужчина, вроде охранник Филиппа Марковича, а я даже не приступала к сборам. Не хочется мне никуда лететь. Очень не хочется. Но выбора нет. Назвался груздем – полезай в кузов».

Она залпом допила остывший мятный чай, поставила на тумбочку у кровати чашку и решительно распахнула дверцы шкафа. Вот этот костюм, строгий, темно-синий, брать с собой не имеет смысла. В Египте жарко, нужна более легкая одежда.

– Да и не нравится мне строгая «двойка». Душа больше к костюму не лежит, – пробормотала Алина. – А все потому, что именно в этой одежде я была в тот самый день, когда все началось...

Потенциальные клиенты не скрывали восторга.

– Какая красивая! Бывает же такая красота! – возбужденно воскликнул мужчина. – Типично славянская внешность. Большие голубые глаза. Волосы светло-русые. Жаль только, что у нее короткая стрижка. Ей бы каре до плеч – и она станет твоей полной копией, дорогая.

Черты правильные, типичные. Но тот, кто один раз их увидел, никогда не забудет. Вы обе – просто красавицы! А ты? Ты что скажешь?

Женщина тоже довольно зашебетала:

– Мне она нравится. Интеллигентная. И цвет лица здоровый. Неужели мы нашли то, что нам надо? Как я волнуюсь. Но она и правда такая хорошенькая! Решено? Других смотреть не будем?

– Я боюсь, что она начнет работу по другой программе. У нее идеальная внешность. И состояние здоровья не внушает никаких опасений. У нас ее могут просто из-под носа увести! Так что давай остановимся на этой красивой кандидатке.

Алина Гордиенко устало прислушивалась к восхищенным голосам. И вроде бы понимала, что все эти комплименты – в ее адрес. Понимать-то понимала. Только все ей казалось, что про другую какую-то женщину идет речь. Красота – она ведь как пропуск в хорошую жизнь. Пропуск у Алины был. А вот хорошей жизни – никогда. Да все ее тридцать лет – сплошные попытки завоевать себе место под солнцем. Причем ладно бы стремилась к заоблачным далям. Губу раскатывала, как говорится, ни стыда, ни совести. Нет, простого хотелось, обычного, без претензий. Чтобы все как у людей: муж, детишки. Домик с садом, пусть маленький, небольшой совсем, но свой. Что? Что здесь особенного? Разве есть в этом желании что-то низкое, запретное? Чтобы каждый раз судьба вот так хлестала наотмашь? Лететь к свету, счастью, уюту. И со всей силы врезаться в каменную стену, и рассыпаться, и себя собирать по кусочкам, по клеточкам собирать себя...

– Давайте оформлять документы, – решил наконец мужчина. – Ваши обязанности заключаются в следующем... Мы, со своей стороны, обеспечиваем вам... После завершения программы ваше вознаграждение составит...

В дверь настойчиво зазвонили.

– Что же это я, – спохватилась Алина. – Задумалась, костюм этот иудушкин все в руках вертела.

Она открыла дверь и сразу же начала оправдываться:

– Простите, что задерживаю. Не очень хорошо себя чувствую. Вы туточки сядьте, а я мигом.

– Меня зовут Юрий. Юрий Космачев, – представился мужчина и брезгливо огляделся по сторонам.

«Красивый парень, – думала Алина, лихорадочно наполняя чемодан вещами. – Кажется, он немного моложе меня, подтянутый такой. Да, мне говорили, что охранник полетит. Но не сказали, что такой симпатичный. А впрочем, что мне до его красоты? Тем более, кажется, он все знает. Как посмотрел на меня – с презрением! А впрочем... Так мне и надо. Как еще на меня смотреть, когда на такое решилась?»

Поющего в салоне джипа Андрея Макаревича Вадим Карпов прервал самым бесцеремонным образом. Он всегда пропускал на диске эту песню, посвященную отцу музыканта. Но к горлу и без музыки подступил комок. Его старик тоже ушел. Пятнадцать лет назад. А боль ничуть не ослабла. Впрочем, какой он старик, его Олег Петрович? Ему тогда исполнилось всего-то сорок три года. Инфаркт не заглядывает в паспорт.

Это произошло на даче. Отец обожал копаться в земле, Вадима же с матерью на дачу было не заманить ни за какие коврижки. Папу нашли только через сутки. Соседи, встревоженные тем, что из шланга все хлещет и хлещет вода, затопившая пол-улицы, прошли на участок Карповых...

Вадим не появлялся на даче с того дня, как оттуда увезли отца. Может, наивно обвинять дом в том, что он убил папу. И куда менее болезненно, чем винить себя.

Но вчера звонок соседей положил конец необъявленному бойкоту:

– У вашей дачи обвалилась крыша. Наше дело – предупредить.

Ну а ему, соответственно, пришлось действовать.

Вадим, вздохнув, остановил машину у деревянного сруба с уцелевшими кое-где зигзагами синей краски. Так и есть: пара пластинок шифера с правой стороны крыши сползла на землю.

Вадим прошел в дом и грустно пробормотал:

– Да уж, внутренние повреждения куда серьезнее внешних. Как все прогнило!

И было чему ужасаться. Залитые дождями диван и кресла приобрели почти черный оттенок, переходящий в темно-зеленый в тех местах, где точила свои когти плесень. Деревянный обеденный стол у окна рассохся. Табуретки, напротив, казались склизкими и полусгнившими. Только скрипящее кресло-качалка не пострадало от времени и бесхозяйственности. Да еще шкаф с книгами.

Книги... Вадим почувствовал легкую досаду. Отец всегда их любил и даже на дачу затащил этот пузатый шкаф на гнутых ножках, за стеклом которого оставил дремать любимые томики. Надо, обязательно надо их забрать! Теперь им место в городе.

«Ладно, сейчас все исправим, – думал Вадим, вынимая книги с полок и укладывая стопками на стол. – Как говорится, лучше поздно, чем никогда».

Он не сразу заметил, как от одной из стопок отделилась тетрадь в темно-коричневом переплете. А заметив, даже отшвырнул ее ногой, чтобы не валялась на дороге. И лишь порыв прохладного ветра, зашелестевший пожелтевшими листьями, заставил Вадима более почтительно обращаться с находкой. Страницы покрывали строчки ровного отцовского почерка...

«– В Воложин поедешь. Это в Белоруссии. Там формируется специальная часть и требуются специалисты твоего профиля. В общем, после радиотехнического института тебе там самое место, – сказал мне в военкомате плюгавенький майор.

Я не спорил. Воложин так Воложин. Настоящий мужик должен пройти через армию, и точка. А уж расположение части – дело десятое. Хотя, конечно, хотелось бы служить в Москве или Подмоскowie. Но, с другой стороны, можно и поблагодарить судьбу. Белоруссия – все-таки не Дальний Восток.

Моя любимая девушка Маша с этими рассуждениями была категорически не согласна. И редела на проводах в три ручья:

– Олег, мне так беспокойно. Так тревожно.

– Глупенькая, ну что ты плачешь? – Я гладил вздрагивающую русую головку. – В ближайшие два года у тебя не будет никаких оснований для беспокойства.

Как же я ошибался...

Через месяц после присяги добрую половину нашей роты собрали в актовом зале. Мы даже не удивились, поскольку имели еще довольно смутное представление об армейских порядках.

Но лицо командира части Николая Протасевича, против обыкновения, заливала мертвенная бледность.

Толик Богданов, тоже москвич, занимавший в казарме верхнюю койку, ткнул меня в бок:

– Не нравится мне все это.

Только я открыл рот, чтобы обозвать его паникером, как Протасевич поднялся со стула, расправил находившийся в идеальном порядке китель и, глядя поверх наших пилотов, зачеканил короткими фразами:

– В конце декабря 1969 года состоялся визит руководителя Арабской Республики Египет Гамаль Абдель Насера в Советский Союз. После достигнутых на высшем уровне договоренностей принято закрытое постановление Политбюро ЦК КПСС об оказании помощи этой стране в ее войне с Израилем. В Египте будет сформирована оперативная группировка совет-

ских войск. Операция получила название „Кавказ“. Присутствие контингента наших войск ни в коем случае не должно афишироваться. Согласно распоряжению Министерства обороны Советского Союза в состав группировки включаются войска, дислоцированные на территории Белоруссии. Все присутствующие на этой встрече солдаты по своим физическим и профессиональным данным признаны годными к дальнейшему прохождению службы в дружественном нам государстве. Вопросы есть?

Ошеломленные, мы молчали. В глазах товарищей отражались примерно одинаковые размышления. Наверное, можно отказаться. Но как срейфить перед несколькими десятками свидетелей? Позор!

– Завтра с утра на складе вам выдадут штатскую одежду, – продолжил наш командир. – Передислокация войск осуществляется под видом оказания сельскохозяйственной помощи Арабской Республике Египет. Обслуживающему персоналу железной дороги, а также парохода „Армения“ вас представят специалистами в области сельского хозяйства. Родственникам и знакомым просьба сообщить о переводе на службу в Москву. Письма для вас надо направлять по адресу: город Москва, абонентский ящик 400. Корреспонденция впоследствии будет пересылаться в Египет. Повторяю: операция носит закрытый характер, поэтому никакой информации родственникам вы предоставлять не должны. Ваша почта подвергнется предварительному контролю. У меня все. Удачи вам, ребята! И всегда помните, что там, вдали от родины, вам предстоит представлять нашу страну. Верю: вы оправдаете оказанное вам доверие. И, с честью выполнив воинский долг, вернетесь домой.

– Тебе бы такую честь, твою мать, – сквозь зубы процедил Толя.

Я огорченно шепнул ему на ухо:

– И не говори. Не нравится мне эта идея, совершенно не нравится.

Ночь мы провели в актовом зале. А утром нам вернули личные вещи. Выдали по чемодану, в котором находились отутюженная белая рубашечка, серый костюм и пара такого же мышинного цвета туфель. Пряча глаза, командир отдал приказ грузиться в автобус. В котором мы и приехали в Минск, на вокзал, чуть ли не прямо к прицепленному к поезду Москва – Одесса спецвагону.

Пароход „Армения“ дожидался нас в открытом море недалеко от Херсона. В мышинные костюмчики мы переодевались в автобусе. Оставив там же форму, мы переправились на пароход, чтобы через три дня причалить в порту Александрии.

Поначалу Египет мне даже понравился. Курорт, да и только! Яркое солнце, синее небо, любопытный непривычный пейзаж за окнами мчащегося по трассе автобуса.

Сделав над собой усилие, я оторвался от созерцания бескрайних песков и прислушался к голосу встречавшего нас в порту командира подразделения Алексея Смоллова.

– Можно сказать, белорусам повезло, – говорил он. – Вы направляетесь в батальон радиоэлектронного противодействия, расположенный близ Каира. Непосредственно в боевых действиях участия принимать не будете, хотя в составе оперативной группировки войск имеется и пехота. Кстати, уже есть первые потери – среди зенитчиков, сбивающих израильские „Миражи“, „Фантомы“ и „Скайхоки“. Но ваше дело нехитрое. Будете отслеживать перемещение израильской авиации и передавать информацию в военно-воздушный командный пункт...

Обнаружить с первого взгляда место будущей службы не удалось. До линии горизонта расстился светло-желтый песок пустыни. Только потом стало понятно: пустыня, словно шахматная доска, расчерчена на квадраты ямами. Но они накрыты маскировочными сетками в тон песка, так сразу и не заметишь.

Смоллов легонько подтолкнул меня и Толю Богданова к ближайшей яме. Внутри находилась размещенная на базе „КамАЗа“ радиопеленгаторная станция. С ее внутренним устройством мы разобрались довольно быстро. Не зря грыз в техническом вузе гранит науки.

По большому счету, принцип функционирования радиопеленгаторной станции прост как грабли. Радиоприемное устройство настраивается на частоту включенной радиостанции израильского самолета. В этот момент на экране электронно-лучевой трубки в сетке координат появляется лепесток пеленга.

– Данных с двух радиопеленгаторных станций достаточно для определения местонахождения самолета. Дальнейшие действия – в компетенции авиации или зенитных войск, – пояснил Алексей. – А теперь выходите из машины. Прямо по курсу – ваша казарма.

Представшая нашему взору обстановка вызвала вполне понятную реакцию.

– Епсель-мопсель! И что, мы здесь будем жить? – недоуменно воскликнул Толик.

В яме, за аппаратным отсеком с кунгом радиопеленгаторной станции, прямо на песке стояли четыре койки. По серому одеялу одной из них перебирал лапками черный скорпион. Насекомое идеально освещалось лучами пробивающегося сквозь прорези маскировочной сетки солнца.

Алексей Смолов развел руками:

– А что делать? Часть группировки размещена в казармах, оставшихся еще со времен британской оккупации, но у вас, ребята, другая задача. Да ладно, привыкнете со временем. А тварей этих, – выразительный кивок в сторону скорпиона, – вы не бойтесь. Самое главное – вовремя их заметить.

Смолов смахнул насекомое в кепку, выбросил его наружу и вернулся к нам, взмокишим и злым как собаки.

– Воды мало, – продолжил он процесс сообщения „приятных“ подробностей. – Раз в три дня сюда приезжает специальная машина. Под кроватями у вас канистры, идете к машине и приносите себе воду. Если очень жарко, смачиваете ткань фляги водой и подвешиваете на улице. Никогда бы раньше не подумал, что в таком пекле даже легкий ветерок воду здорово охлаждает.

Толик робко поинтересовался:

– Простите, а душа здесь нет?

Алексей, смерив его презрительным взглядом, продолжил:

– Аптечка в кунге, в ящике с запасным имуществом и принадлежностями. В столовой кормят в основном верблюжатинной, фруктами и овощами. На первых порах возникнут проблемы с желудком, так что налегайте на активированный уголь. Но имейте в виду: санчасть отсюда за сто километров, поэтому старайтесь не болеть. Вы одеты в форму солдат египетской армии. Рядом дислоцируются египетские войска. Еще одна ваша задача – научить этих детей пустыни пользоваться станцией. Переводчика зовут Аль-Фарид. Ну вот, в общем, и все. Через полчаса обед. А пока осматривайтесь, располагайтесь и привыкайте.

Когда командир ушел, мы, исследовав койки на предмет отсутствия скорпионов, растянулись на провисающих скрипящих пружинах.

Закурив сигарету, Толик ругнулся.

А толку? На передовую не послали, и то ладно.

В общем, единственное, что радовало, – так это то, что техническая часть обязанностей казалась не слишком обременительной. Но потом выяснилось: в аду раскаленных дней и пробирающих до костей холодных ночей это являлось слабым утешением...».

Заканчивался папин дневник и вовсе чудно. Описанием места, где спрятано сокровище – золотое ожерелье Атона Амарнского периода¹⁷, инкрустированное драгоценными камнями.

¹⁷ Амарнский период примечателен тем, что впервые в изобразительном искусстве египтяне начинают изображать семейные сцены и природу, максимально приближенными к реальности. В архитектуре наблюдается упрощение форм. Физические недостатки фараонов больше не являются табу для скульпторов.

Отложив тетрадь, Вадим встал и, распрямив затекшую спину, заходил по комнате. Отец вскользь упоминал о том, что служил в Египте, однако о тайнике с ожерельем никогда не произносил ни слова. Он был авантюристом, его Олег Петрович. Вне всяких сомнений, будь у него возможность, он сам бы отправился на поиски тайника. Но ведь всего пятнадцать лет назад закрытые границы были реальностью.

Хотя дети ведь должны продолжать дело своих отцов...

Пораженный собственным доводом, Вадим замер. А почему бы и нет, в самом деле? По деньгам для него эта поездка совершенно не обременительна. Бизнес приносит хороший доход. Строительная сфера всегда позволяет получать прибыль. Пока есть люди – до тех пор есть и их стремление решить «квартирный вопрос», дабы окончательно не испортиться. Конечно, Вадиму рано величать себя олигархом. Но, во всяком случае, на бутерброд с икрой хватает.

– Кстати, о деньгах, – пробормотал Карпов, задумчиво почесывая затылок. – Ожерелье-то, наверное, бесценно. И, даже если не удастся вывезти его из Египта, вознаграждение наверняка составит приличную сумму. Но все же самое главное не это. Важнее романтика и та атмосфера, в которой прошли несколько лет жизни отца. Сокровища искать мне еще не доводилось. И очень хочется посмотреть на страну, где служил папа...

Зажав под мышкой тетрадь, Вадим запер дом и, с сожалением посмотрев на зияющую в крыше дыру, поспешил к джипу. До ремонта ли теперь, когда решено отправиться в поездку? А впрочем, можно напрямь этим делом кого-нибудь из подчиненных. Целы будут. Все равно большую часть рабочего времени баклуши бьют!

Мощный «Ланд-Крузер» легко бежал по расплзающейся грязи, чередующейся с болотами луж. Краем глаза наблюдая за показавшимся впереди полотном железной дороги, Вадим достал телефон и набрал номер жены.

– Света, собирай вещи, мы едем в Египет.

Супруга расстроилась:

– Ой, Вадимчик! У меня же через пару дней показ!

– Покажешь себя на пляже, – не терпящим возражений тоном сказал Вадим и отключился.

Угораздило же его жениться на манекенщице! А что он мог сделать, когда измученное диетами создание спикировало с подиума прямо ему на колени? Как честный человек, разумеется, только жениться. Хотя, увы, он до сих пор не одинок в этом стремлении. Жена – безумно привлекательная девушка. Стоит отойти от Светланы буквально на пару минут – по возвращении непременно застанешь свою любимую в обществе какого-нибудь мужика. А уж оставить красавицу супругу дома недели на две – нет, об этом и думать страшно. Птичка упорхнет. Ей недавно исполнилось двадцать, а в этом возрасте не понимаешь, что не всякому соблазну стоит поддаваться. Света, во всяком случае, точно не понимает...

Отравленные ревностью мысли о жене уступили место соображениям иного толка. Надо поторопиться в туристическое агентство, заказать билеты и номер в гостинице.

Однако, уже почти доехав до центра, Карпов развернул машину.

«Хорош же я буду, общаясь с девушкой в агентстве. Посоветуйте, где мне лучше остановиться, так чтобы было удобно добираться до тайника с кладом, – думал Вадим. – Нет, надо предварительно проконсультироваться с человеком, которому доверяешь. Сослуживец отца, дядя Толя, живет буквально в десяти минутах езды. Много времени разговор не отнимет. Только бы он дома был. Тоже ведь заядлый дачник, насколько я помню».

Память не подвела Вадима. Хотя он и заходил к Анатолию Богданову всего один раз, много лет назад, но дом разыскал быстро.

К счастью, оглушительную трель звонка прервал сам хозяин квартиры.

Увидев Вадима, дядя Толя коснулся замотанного на шее шарфа и горестно вздохнул:

– Нашел время ходить в гости! Просто беда какая-то, вся семья гриппует. Хорошо, что хоть дочь заезжает нас с матерью выхаживать...

– А, ерунда. – Вадим снял куртку и с досадой поморщился. Надо было бутылку коньяка захватить, а он не догадался, пришел с пустыми руками. – У меня организм крепкий, никакая зараза не берет.

– Как же ты похож на Олега, – вырвалось у дяди Толи. – Стал таким же высоким и плотным. Ну просто вылитый отец! Ты давай проходи на кухню, чаю выпьем.

«Светку бы сюда, – подумал Вадим, позвякивая ложечкой в чашке и оглядываясь по сторонам. – На показательную экскурсию. Чистота, в отличие от нашей кухни, идеальная. А ведь у нас домработница! Эх, Светик мой, Светик, ветер в голове. Сама мебель здесь, конечно, старенькая, видно, с деньгами у дяди Толи негусто».

Он нащупал в кармане бумажник, извлек его содержимое – полторы тысячи долларов – и, улучив момент, когда дядя Толя отвернется, хулигански засунул купюры под хлебницу.

– Дядь Толя, а ты помнишь, что папа в армии дневник вел?

Богданов слабо улыбнулся:

– Было дело. Только он старался это не афишировать. Бывало, приду с дежурства, а Олег на койке лежит и что-то строчит в тетради. Но он всегда прятал свои записи, когда меня видел. Стеснялся, наверное. А в связи с чем такие вопросы?

– Вот, на даче нашел, – Вадим положил дневник на стол. – Ты почитай, почитай...

Сходив за очками, дядя Толя уселся поудобнее и открыл тетрадь.

– Нет, вот этот отрывок надо прокомментировать! Паникера нашел, – возмущенно заявил он через пару минут.

А дальше уже просто читал вслух, так как не соглашался с покойным сослуживцем буквально в каждом абзаце...

Услышав о намерении Вадима отправиться в Египет, дядя Толя подумал и сказал:

– Знаешь что, а поезжай-ка ты в Хургаду или Шарм-Аль-Шейх. В Каире останавливаться смысла нет. Город шумный, грязный. Луксор, насколько я помню, почище, но там только Нил, моря нет. А так ты двух зайцев убьешь. На Красном море отдохнешь и совершенно спокойно съездишь на экскурсии. На поиски нашей части время не трать, наверняка от нее уже ничего не осталось. А вот маячок тайника тебе отец знатный оставил... Эх ты, кладоискатель! Позвони, когда вернешься, расскажи старику о своих приключениях.

– Обещаю, – твердо сказал Вадим. Конечно, зря он не навещал дядю Толю, но в водоворот дел и про маму родную забыть можно. Зато деньги Богданову наверняка пригодятся... – А вы с женой поправляйтесь, договорились?

Дядя Толя кивнул, отводя подозрительно заблестевшие глаза...

В турагентстве Вадиму обрадовались как родному.

– Сезон отпусков еще не начался. Так что у вас есть самый широкий выбор, – щебетала одна из девушек.

Вторая принесла ему чашечку кофе, третья – каталог с фотографиями отелей.

Обнаружив в перечне «Aton's hotel», Вадим подумал: «Что ж, это символично. На подвеске ожерелья, как писал отец, эмблема какого-то бога Атона. Отель симпатичный. Номера выглядят уютными и комфортными».

– Прекрасный выбор, – улыбнулась сотрудница агентства. – Это отель первой линии, у самого моря. Он работает по программе «ультра-все-включено». Сейчас я вам расскажу, что это означает. В вашем распоряжении полный пансион, спиртные напитки, как местные, так и импортные, в неограниченном количестве, бесплатная сауна, теннисные корты.

– Замечательно, – перебил ее Вадим, доставая из портмоне кредитную карточку. – Я могу улететь завтра?

Пошелкав по клавиатуре компьютера, девушка опять улыбнулась:

– Да, на ближайший рейс есть свободные места. Надеюсь, мне подтвердят бронирование гостиницы. Маловероятно, чтобы с этим возникли проблемы. Ведь сезон только начинается. В Египте лишь недавно прекратились ветры. Ах, если бы вы знали, как туристы жалуются на этот ветер. С пляжа буквально сдувает! Впрочем, вас это уже не коснется. Документы я передам завтра в аэропорту. Удачной поездки!

Домой Вадим добирался, полностью погруженный в свои мысли. Предвкушение будущей поездки поглотило все его внимание. Так получилось, что он объехал полмира, а на самых популярных курортах – в Турции и Египте – еще не был. Египет из этого списка неизведанных стран скоро исчезнет...

* * *

Выйдя из офиса туристического агентства, Галина Нестерова села в ярко-красный «Пежо» и перебрала документы в конверте. Кажется, все в порядке: ваучер на гостиницу, билет, страховка, копия договора. Можно отправляться на поиски мужчины своей мечты.

Точный образ этого еще не встреченного, но такого желанного мужчины Галина описать затруднялась. Зато она совершенно точно знала: он ни в коем случае не должен быть женатым «новым русским». Десять лет потрачено на увод такого экземплярика из семьи. Малоприятный процесс, несмотря на все дорогие подарки «женатика». Потому что бриллиантовые серьги все равно не компенсируют проведенных в одиночестве праздников. К тому же любовник фактически бросил ее.

«Так что пусть, – думала Галина, – мужчина моей мечты будет свободным иностранцем. Состоятельным, разумеется. А все остальное – на усмотрение судьбы».

Но судьба распорядилась совершенно иначе...

Мальчик в небольшой очереди у стойки регистрации в аэропорту цвел безрассудной красотой максимум двадцать пять лет. Растерявшись, Галина скользнула взглядом по его острым ключицам у горловины черной майки, тонким запястьям, гривке длинных густых волос. Парень недоуменно оглянулся – и она погибла. Мгновенно. В ту же секунду.

Потрясающие голубые глаза, четко очерченные губы, и это все так неправильно, и это совсем не то, что ей нужно, но она умрет, если не узнает их вкус...

«Не могли бы вы пропустить меня вперед? Очень надо!» – шепнула она стоящей впереди женщине. Та понимающе улыбнулась, и объект внезапно нахлынувшего вожделения оказался так близко, что Галина даже почувствовала свежий, легкий аромат его туалетной воды.

– Игорь, – нахмурившись, ответил он на ее вопрос уже в салоне самолета.

Увы, красавчика явно раздражала попутчица. Галине едва удалось из него вытащить, что он путешествует в одиночестве. Да, сложно поверить, но парень один! Причем никакого приезда подруги даже не предвидится! А остановиться парень намерен – редкостное везение – в «Aton's hotel».

«Мы окажемся в одной гостинице, и это главное, – решила Галина, опуская спинку кресла. – На солнышке ты, мальчик, станешь добрее. Самое главное – не допустить, чтобы ты попал в лапы хищницы вроде меня. И зачем тебе другие хищницы, если разобраться? Маникюр, педикюр, прическа, фигура – все у меня в идеальном порядке. Нет, малыш, у тебя нет никаких шансов устоять. А вот когда ты увидишь мой сексуальный купальник, у тебя вообще не останется ни одного желания, кроме как сорвать с меня эти лоскутки. Я чуть-чуть посопротивляюсь, но это же так возбуждает...»

Порой возникает впечатление, что мужчины и женщины – существа с разных планет. Настолько велико различие между их восприятием мира, целями и жизненными приоритетами.

Однако в тот день мысли находившихся в микроавтобусе с ярко-желтой надписью «Aton's hotel» мужчины и женщины оказались на удивление схожими.

«Разыскать денег. А потом все забыть как кошмарный сон. Все образуется. Черная полоса неприятностей не может длиться вечно», – думала Ирочка Завьялова.

«Отработать этот заказ. Потом можно и завязать. Хватит, надоело. Хочу свободной, спокойной жизни», – мечтал Виктор Попов.

Они были не знакомы друг с другом, но оба приехали в Египет, мягко говоря, не только отдыхать.

Глава вторая

Египет, Новое царство, XVIII династия, примерно середина XIV века до н. э.

Даже после смерти лицо Нефертити поражаало совершенством черт. Казалось, веки вот-вот дрогнут и из темных глаз польется свет. Яркий, теплый, ласкающий. Его лучам можно поклоняться до бесконечности. И пусть пересохнет Нил, и солнечный диск навсегда провалится в небо, и гремят войны, и накаляются страсти. Пусть происходит все что угодно, лишь бы открылись эти дивные очи.

Но нет. Изгнанная из дворца царица спала вечным сном на погребальном ложе. И Эйе, как ни силился, не смог разглядеть в любимом лице дыхания жизни. Ба¹⁸ покинула Нефертити.

Поцеловав усопшую, жрец горестно прошептал:

– Прости меня. Я так и не сделал тебя счастливой. О, если бы ты могла подождать еще немного. Совсем немного, любимая. Все могло быть по-другому...

Счастье любимой женщины и трон. Грезы вот-вот могли стать реальностью. После смерти Эхнатона Эйе хотелось петь и плясать от радости. Однако он вынужден был скрывать свои чувства. Ведь жрец – главное действующее лицо погребальной церемонии. Хочешь не хочешь, приходится держать себя в рамках приличий. Но даже Кийа¹⁹, неожиданно появившаяся в Доме Золота²⁰, не смогла испортить прекрасного настроения Эйе, которое он старательно прятал за маской напускного сочувствия.

– Тебе нельзя здесь находиться, – твердо сказал жрец, увидев наложницу. – Разве ты хочешь помешать фараону благополучно закончить странствие через врата Дуата?

Ниточки бровей Кийа гневно шевельнулись.

– Эйе, не тебе рассуждать об Эхнатоне. – Возмущенная, она даже топнула маленькой ножкой. – Я знаю, это ты убил его! Ума не приложу, как тебе это удалось, ведь еду и напитки фараона всегда пробовали рабы. Но, клянусь всеми богами, это твоих рук дело!

Жрец спокойно смотрел на девушку. В ларце с драгоценностями, присланном в мастерскую бальзамировщика из царских покоев вместе с одеждой, оружием и многочисленными фигурками ушебти²¹, больше нет ожерелья Атона. Эйе, улучив момент, когда помощники займутся многочисленными погребальными хлопотами, быстро извлек сокровище из ларца. Так что волноваться совершенно не о чем. Девчонка (что ж, надо отдать ей должное: юная и очень красивая девчонка) ничего не докажет.

– Тебе лучше уйти, Кийа, – равнодушно заметил Эйе.

– Да, я уйду. Но вначале скажу кое-что. То, ради чего пришла. И это тебя не обрадует! Эхнатон успел подписать указ. Трон достанется Сменхкаре²². Он женится на дочери фараона Меритатон. Такова воля покойного! А ты... ты убийца! Как же я тебя ненавижу!

Растерявшись, Эйе даже не заметил, как исчез в дверном проеме белый калазирис²³ наложницы. Сменхкара и Меритатон – официальные наследники... Сменхкара – да кто он такой? Один из придворной свиты, один из многих, молод и неопытен! Действительно, неожиданная новость. Очень неприятная. И эта Кийа с ее подозрениями...

¹⁸ Ба – наиболее близко к нашему пониманию души.

¹⁹ Кийа – наложница, возможно, вторая жена Эхнатона.

²⁰ Дом Золота – мастерская бальзамировщика.

²¹ Ушебти – фигурки, изображавшие покойника. Египтяне верили, что их можно оживить в царстве мертвых и отправить работать вместо «оригинала».

²² Сменхкара – фараон XVIII династии Нового царства. Находился на троне в 1338–1336 гг. до н. э.

²³ Калазирис – узкое хлопчатобумажное платье, плотно облегающее тело; платье это начиналось под грудью, поддерживалось на плечах особыми завязками и спускалось до ступней; иногда оно делалось с рукавами.

«Что ж, придется выждать какое-то время, – подумал Эйе. – Второй раз ожерелье дарить рискованно. Но вот если просто тайком положить его в шкатулку Сменхкары, рано или поздно он его обнаружит...»

Увы, новый фараон вовсе не торопился перебирать драгоценности. Его куда больше волновал вопрос восстановления культа развенчанных Эхнатом богов. Поддержка Сменхкары со стороны супруги Меритатон превышала все мыслимые и немыслимые пределы. Она не возражала, когда муж решил удалить из дворца Нефертити, вызывавшую неописуемый гнев жрецов Амона из Фив...

Какая мать смирится с предательством родной дочери?! И Нефертити не смогла пережить такого позора. Она сгорела мгновенно, с безысходной поспешностью голубого лотоса, увядающего под палящими лучами солнца...

– Господин, нам пора. Скоро рассвет, – лицо возникшего у погребального ложа Нефертити раба выглядело озабоченным.

– Да, ты прав, – пробормотал Эйе. – Меня не должны видеть в доме опальной царицы. Мне нужно появляться при дворе. Теперь даже в большей степени, нежели прежде.

Жрец бросил прощальный взгляд на Нефертити, запечатлел на ее устах последний поцелуй и уныло побрел прочь. Любимая еще увидит миг его торжества. Он непременно наденет корону с золотым уреем. Но как жаль, что наблюдать за этим Нефертити станет уже с берегов Небесного Нила.

И Эйе опять просчитался. Напрасно его сердце учащенно билось от радости, спрятанной в напускном сочувствии при известии о смерти Сменхкары. Не помогла хитросплетенная паутина дворцовых интриг. Трон, как только что выловленная из Нила рыба, вновь ускользнул от Эйе, хотя и был близок как никогда.

Однако на церемонии бракосочетания дочери Эхнатона и Нефертити Анхесенпаатон с будущим правителем земли египетской Тутанхатомом²⁴ жрец впервые испытал что-то похожее на угрызения совести.

Золото одежд и тяжелые лазурные короны все равно оставляли царскую чету детьми. Юным супругам едва минуло восемь лет. К таким правителям сложно относиться всерьез, их хочется посадить на колени, рассказать сказку.

– Ты назначен регентом, – шепнул на ухо Эйе стоявший рядом визирь Хoremхеб.²⁵

От жреца не укрылось выражение легкой досады на красивом лице Хoremхеба, и он понял ее причину: визирь тоже являлся опекуном юного фараона, а кому хочется делиться властью!

Тутанхатон...

Вначале он явно скучал на троне, пытаясь играть скипетром и хлыстом, то и дело перебивая Эйе:

– А поехали лучше покатаемся на лодке! Или хочешь – умчимся далеко-далеко на моей новой колеснице!

И Эйе бы ему не прекословил – чем позже фараон начнет интересоваться государственными делами, тем лучше. Но Хoremхеб считал по-другому. Никаких игр и развлечений. Только работа: изучение истории и воинского дела, разбор почты, первые самостоятельные решения.

Опасаясь утратить влияние на своего воспитанника, Эйе не спорил с Хoremхебом. Расчет оправдался: из двоих опекунов именно Эйе пользовался любовью фараона.

Но, конечно, он все же быстро повзрослел, их мальчик-правитель.

²⁴ *Тутанхатон*, он же позднее Тутанхамон, – фараон XVIII династии Нового царства, 1336—1327 гг. до н. э.

²⁵ *Хoremхеб* – знатный вельможа, возможно, визирь, впоследствии фараон XVIII династии Нового царства, находился на троне в 1323—1295 гг. до н. э.

К четырнадцати годам, в знак примирения со жрецами Амона из Фив, он сменил свое имя на Тутанхамон. Юная жена стала соответственно Анхесенпаамон.

К пятнадцати он понял: для баланса власти нельзя допускать усиления какой-то одной придворной группировки. И перенес двор в Мемфис, ослабляя тем самым мощь Фив.

В восемнадцать фараон не придумал ничего лучше, как поблагодарить опекунов и сказать, что больше не нуждается в их советах.

Услышав эту новость, Эйе и Хoremхeб застыли у царского трона, как изваяния.

Тутанхамон попытался смягчить резкость своих слов:

– Нет, я буду по-прежнему ценить ваше мнение, буду им интересоваться. Но все решения фараон принимает сам. Да, Эйе и Хoremхeб? Вы же именно этому меня учили?

– Конечно, – торопливо сказал Хoremхeб и с деланным равнодушием пожал плечами. – Все правильно. Так и должно быть, о мой повелитель!

Эйе молчал. Его душу раздирали противоречивые чувства. Он успел полюбить Тутанхамона как собственного сына, а тот... Тот предал своего отца, унизил, растоптал, грубо указал на его место...

И ярость, внезапная, как смерч, вздыбливающий пустыню сплошным красным маревом, заполонила Эйе целиком и полностью. Он плохо помнил, как бросился в свои покои, к ларцу с драгоценностями. И вскорости разноцветные блики, отбрасываемые дивными камнями ожерелья, скользнули по смуглому лицу фараона.

– Атон... Какая тонкая работа! Настоящая красота! – восторженно прошептал Тутанхамон. – О, Эйе, ты сделал мне очень хороший подарок.

– Глядя вперед, всегда следует помнить о том, что оставляешь позади, – отозвался Эйе. Его сердце разрывалось от боли...

Он не стал забирать ожерелье Атона из ларца с драгоценностями, последовавшего за фараоном в Долину царей²⁶. Ни к чему. Пусть будет замуровано в гробнице. Если бы и воспоминания можно было бы навсегда оставить среди равнодушных скал...

Зато теперь у Эйе был трон. И корона с золотым уреем венчала его постаревшее лицо.

Нефертити, возможно, была бы довольна.

– Горе мое, куда ты опять улетела? Ты забыла сбрызнуть овощи маслом!

Лика Вронская послушно последовала Пашиному совету. Действительно, это же надо так задуматься, чтобы смолотить полтарелки незаправленного салата!

– Все сюжет придумываешь, – констатировал Паша, расправляясь с кольцами жареных кальмаров. – От тебя в такие моменты остается почти ничего не соображающая оболочка. Хм... А это мысль! А не воспользоваться ли твоим состоянием? Что, если я сотворю с тобой что-нибудь прекрасное? Например, ребенка заделаю. В сознательном состоянии ты не сможешь даже обсудить эту тему!

Равнодушно пожал плечами, Лика залюбовалась видом из окна ресторана. Там плавился второй закат «дольче-вита», жизни в настоящем раю.

Страна, отель, пейзаж – да все, буквально все вокруг казалось Лике неописуемо прекрасным. Сине-зеленое теплое море, лениво облизывающее желтую кромку пляжа. Разноцветные рыбы, подплывающие к самому берегу в ожидании кусочка булки. Ласковое солнышко. И сладкий, как грех, сок гуавы. Лишь один глоток прохладной жидкости из запотевшего стакана – и сразу же понимаешь: жизнь прожита не зря.

И все же Лика не могла отделаться от странного ощущения, что в этих прекрасных декорациях скоро начнет разворачиваться действие трагической пьесы. Пыталась понять, в связи с

²⁶ Долина царей – некрополь фараонов Нового царства. Гробницы строили в глубине Фиванских холмов, надеясь, что труднодоступность этих мест позволит избежать разграбления.

чем возникло это предположение, и ничего не получалось. Лишь сердце все сильнее сжимали нехорошие предчувствия.

– Русских женщин узнаешь сразу, – воодушевленно заметил Паша, отодвигая пустую тарелку. – Вы просто красавицы.

Лица мгновенно отвлеклась от своих мыслей и обиженно надула губки:

– Я тебе дам красавиц! У тебя, милый, есть только одно создание неземной красоты. И это создание – я!

– Так я же рассуждаю исключительно из эстетических соображений. Руками не трогаю. А неземная красота, конечно же, вся твоя!

Девушка, вполне заслуженно привлекая Пашино внимание, появилась в ресторане со своим мужем. Профессиональная память Лики тут же напомнила содержание короткой, ни к чему не обязывающей беседы на пляже. Света и Вадим, манекенщица и предприниматель, прилетели на отдых из Москвы. Обычная история. Богатый мальчик покупает себе хорошенькую девочку, а та, в свою очередь, скупает себе содержимое всех попадающихся на глаза магазинов. Вот и теперь по количеству украшений Света смело могла составить конкуренцию новогодней елке. А с ее хорошенькой мордашкой и идеальной фигуркой украшения вообще были совершенно излишни. Да хоть холщовый мешок на такую красавицу надень – все равно окружающие посворачивают шеи, восхищаясь девушкой.

– Ешь, горе мое! – заботливый Паша водрузил на стол две тарелки с пирожными.

Лица робко запротестовала:

– А может, не надо? Ты, конечно, слегка слепенький, очки носишь. Но я к концу поездки могу так распухнуть, что даже ты ужаснешься!

– На здоровье. Кстати, пока ты дрыхла после обеда, я познакомился с таким классным дядькой! Профессором истории. Вон, видишь, он за соседним столиком, рядом с рыженькой женщиной.

Лысина профессора безнадежно сгорела на солнце. Он что-то увлеченно объяснял соседке. На безымянном пальце женщины блестело обручальное кольцо.

– Они муж и жена? – с набитым ртом поинтересовалась Лица.

– На ближайшие две недели – точно. Оба москвичи и...

Свою фразу Паша не закончил. Уставился на вбежавшего в ресторан парня. Словно спасаясь от преследования, тот окинул зал полубезумным взглядом. Потом, выдохнув с видимым облегчением, плюхнулся на стул рядом с Ликой.

И – запоздалое проявление вежливости:

– Вы позволите?

– Конечно, – улыбнулся Паша. Представившись, он кивнул на Лику: – Моя жена.

– А меня зовут Игорь.

– Очень приятно! Правда, мы уже закончили ужин и скоро уходим. Вы один отдыхаете? Тогда, как говорится, всегда просим к нашему шалашу. Завтракать или ужинать в одиночестве – скучное занятие. Сам я один есть просто ненавижу!

Прислушиваясь к ровному, хорошо знакомому голосу бойфренда, Вронская с досадой закусил губу: «Приехала, называется, в Тулу со своим самоваром, когда такие парни за столик присаживаются. Стоп-стоп! Что за мысли?! Срочно требуется аутотренинг! Как говорил красивый и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил по имени Карлсон: спокойствие, только спокойствие. Личная жизнь устроена. Нечего тарашиться на парней, поздно. К тому же мальчик явно на пару лет младше...»

Дабы не повергать себя лишним соблазнам, Лица демонстративно отвернулась от наглого красавчика и снова уставилась в окно. Почти прижавшись лбом к стеклу, там стояла женщина. Поймав Ликин взгляд, она исчезла, но Вронская успела заметить на симпатичном личике откровенную ненависть. Незнакомка смотрела на их столик и пожирала Игоря глазами!

«Они все так и просятся на страницы книги, – подумала Лика. – Хорошо же начинается отдых. В этом отеле словно бы специально собралась масса подозрительных личностей. И каждый подойдет на роль убийцы в моем новом детективе. Мне стоило бы обрадоваться. В самом деле, можно ничего не придумывать, не напрягаться, описывая, что видишь. Только нет радости. Нет! Одна тревога...»

Лика огляделась по сторонам, словно пытаясь разувериться в смутных подозрениях. И на долю секунды ей показалось, что желаемое достигнуто. За соседним столиком ужинала очень красивая пара, и скорее всего – русские.

«Точно из России, – решила Лика, рассмотрев молодого, атлетически сложенного мужчину. – На пальце печатка, на груди массивный крест. Наш парень, европеец такую цепь под пыткой не наденет! Но спутница этого мужика... В ней что-то не так. Красивая женщина. Однако она производит впечатление совершенно забитой особы. Плечи опущены, не отрывает глаз от тарелки. Словно бы муж ее поколачивает. Нет! Успокоиться не вышло!»

– Айн бир, шнель! – раздалось за Ликиной спиной. – О, хорошо, парень! Быстро бегаешь! И пиво холодное.

Бронская обернулась, а Паша приветливо улыбнулся соотечественнику:

– О, вы тоже из России! Давайте знакомиться!

– Виктор. Попов, – коротко сказал мужчина и отхлебнул пива.

Выражение его лица отбило у бойфренда всякую охоту продолжать общение. Он перекинулся парой фраз с Игорем, равнодушно ковыряющим в тарелке, быстро допил чай и вопросительно посмотрел на Лику.

– Да, я закончила. Пошли, – и, выйдя из ресторана, девушка стала возмущаться: – Страна мне очень нравится. А вот русские туристы – нет! Совершенно! Особенно Виктор этот! Он какой-то мутный, правда, Паш? И еще я заприметила подозрительную парочку. Он похож на бандита. Она – какая-то забитая, нервная.

Бойфренд лишь рассмеялся и обнял Лику за плечи.

– По секрету тебе скажу: когда ты придумываешь новый роман, то становишься совершенно невыносимой. И очень подозрительной. Но я тебя все равно люблю. Даже когда ты дуешься!

Лика нахмурилась. Ее опасения почему-то становятся все более отчетливыми. И поговорить-то на эту тему не с кем. Пашка лишь дразнится и слушать ничего не желает!

Каждое утро Али начиналось совершенно одинаково. Он должен расставить шезлонги у берега моря. Прикатить из прачечной огромную тележку полотенец в широкую бело-синюю полоску. Поругаться с рисующим хной временные татуировки Шамсуддином. А как с ним не поругаться?! Если опять! Как всегда! Сколько ни говори этому шайтану, все равно заляпает красками скамью под тростниковым навесом!

Сделать все это, и – скорее в свою будочку, где Али выдает постояльцам полотенца в обмен на пластиковую карточку с надписью «Aton's hotel towel». Скорее спрятаться от палящего солнца! Али здорово повезло, что есть где укрыться от пекущих лучей. Не во всех отелях такие будочки оборудованы навесами. В «Hilton long beach», например, никаких навесов. Бедные парни, которые там работают. Шутка ли – целый день на солнце!

Али совершенно не понимал, как могут европейцы сутками валяться на пляже. Он все свои двадцать шесть лет провел в Египте, но так и не сумел адаптироваться к изнуряющей жаре. К тому же гостиничная униформа состоит лишь из майки и шортов. А ему, привыкшему к просторной до пят галабии, которые носят мужчины в родной деревне, все казалось, что в шортах особенно жарко.

Три недели ежедневной работы. Три недели жары. Зато потом – недельные каникулы, когда Али уезжает из Хургады к родителям, в деревушку под Александрией. Но даже там все

равно он ходит в шортах. Хвастается городской одеждой перед друзьями, соседями. Делает вид, что привык. А самому в глубине души все-таки хочется надеть серую галабию...

Сегодня тоже все было, как в любой рабочий день. Шезлонги, полотенца, аляповатые пятна краски на скамейке под тростниковым навесом. Только свое состояние Али привычным назвать не смог бы при всем желании. Он ждал Свету. От волнения пересыхало в горле, дрожали руки. Такого раньше никогда не было...

Обычно он быстро находил общий язык с одинокими русскими девушками. Спасибо Тане, научила фразе «где-где, в Караганде». Наташе – «супер-пупер». И особенно – Лене. «Ты – моя сладкая, скажи так, Али», – шептала она, тая в его объятиях.

Вкупе с парой-тройкой английских предложений этого лексического запаса было более чем достаточно для того, чтобы девушка рассмеялась. Потом согласилась сходить на дискотеку. Потом – счастье! радость! полет! – пригласила подняться в свой номер.

Впервые получив приглашение от симпатичной русской туристки, Али даже не помышлял ни о чем таком. Мало ли какие проблемы могут возникнуть? Конечно, отель «Атон» – отличная пятизвездочная гостиница, но мелкие неприятности время от времени случаются. От всего ведь застраховаться невозможно. Вдруг женщине не поменяли полотенца? Или не убрали комнату? Телефон, так случилось, сломан, а Али – единственный служащий, оказавшийся поблизости.

Он готовился помочь и, конечно, рассчитывал получить чаевые. Хорошо бы женщина расщедрилась на пару фунтов. Или даже на доллар. Евро, конечно, она вряд ли даст. Женщина – русская, а русские обычно всегда дают фунты или доллары.

Защелкнув дверь номера, туристка прервала размышления Али самым радикальным образом. Поцеловала его в губы! Али замер, пораженный.

Поцелуй! Так вот он какой! Женские губы мягкие, сладкие. Когда они прикасаются – перед глазами все плывет, ноги становятся ватными.

Поцелуй! Он был! Как же объяснить этой чудесной женщине, что в Египте даже во время помолвки жениху не позволено целовать невесту? Жених может гулять с девушкой, приходить к ней в гости. Но всегда общение происходит только в присутствии родственников. Только в Каире, говорят, обрученные студенты могут тайком поцеловаться.

– Глупый, давай, обними же меня, – шептала женщина, увлекая Али в сторону кровати. – Не бойся, я хочу этого.

– Я не умею, – едва слышно пробормотал он, и щеки запылали от неловкости и стыда.

Женщина не расслышала его слов. Али как зачарованный смотрел на ее закрытые глаза, полуоткрытые губы, слушал прерывистое дыхание. Потом женщина взяла его руки, и Али, задыхаясь от восторга, понял: его ладони сжимают ее грудь, скользят по животу, поглаживают бедра.

Мысли Али путались. Женщина хочет, чтобы он на ней женился? Но у него нет денег на калым. Или русским калым не нужен?

Туристка на секунду отстранилась, выскользнула из платья, и при виде обнаженного тела Али почувствовал, как в шортах вдруг стало горячо и мокро.

Он совсем растерялся. Но очень быстро и мысли, и смущение исчезли. Он помнил лишь женские стоны. И день вдруг становился ночью. И вспыхивало солнце...

Потом было много-много других женщин. Они сами искали его ласк. Говорили, что восточные мужчины лучше, сильнее и нежнее, чем их соотечественники. Они учили Али своему языку. Объясняли: им приятно, когда на них обращают внимание, когда предлагают заняться любовью. Это их не только не оскорбляет, но даже радует. Али выучил пару фраз на русском. Стал смелее.

Но вид приближающейся Светы выветрил из головы Али и русский, и английский, и арабский. Русские девушки всегда очень красивы. Не привыкнуть к их светлым глазам, стройным

фигуркам, не налюбоваться, не наглядеться. Кроме того, на русских мало одежды, они шутят, улыбаются мужчинам. Волей-неволей восхищенно зацокаешь языком. Но направляющаяся за полотенцем девушка была особенной. Исключительной. Самой-самой... Али даже показалось, что он ослеп. Таких красавиц ему приходилось видеть только на большом экране телевизора в холле отеля. Покачивая узкими бедрами, они демонстрировали умопомрачительные наряды и немного грустно улыбались в камеру. А тут точно такая же – тоненькая, изящная, хорошенькая и совершенно реальная – рядом. Протягивает ему карточки и вопросительно поглядывает из-под сдвинутых на нос очков. Дескать, что же ты застыл, истукан?..

Устав от ожидания, девушка изучила надпись на приколотом к белой майке бейдже и выразительно сказала по-английски:

– Мистер Али! Могу я получить полотенце?

– О Аллах! Хотите, я вам дам всю корзину? – Он наконец вспомнил, что есть речь, можно составлять слова в предложения, можно даже перекинуться с ангелом парой фраз. – Хочу говорить с вами! Как зовут?

– Света!

Выхватив из его рук два полотенца, девушка так же эффектно удалилась, и Али все не мог оторваться от созерцания длинных ножек.

«Только бы она отдыхала с подругой, только бы с подругой, только...» – мысленно молился он, облизывая пересохшие губы. Никакие силы не могли его заставить отвести взгляд от русской красавицы!

Длинные ножки приблизились к куда менее привлекательным – мужским, волосатым, коротким и кривоватым. Над ними колыхалось брюшко.

«Муж», – тоскливо подумал Али, и эта мысль отозвалась в сердце непривычной болью.

Все понятно: хит любого сезона, ключ к женскому сердцу «ты моя сладкая» ему не понадобится. Дискотеки и всего остального не будет.

Всю прошлую ночь его сны отчаянно ласкали хрупкое Светино тело, тонули в прохладном черноволосом дожде.

А теперь в своей будочке Али ждал ее с таким нетерпением, как не ждал никого никогда прежде.

Боги не вняли его молитвам.

Рядом с ангелом, по-хозяйски положив руку на смуглое плечико, шествовал супруг.

– Привет! – он протянул карточки. – Как дела?

Али вымученно улыбнулся, выдал полотенца. И, изгоняя видения обезглавленного мужа Светы, ответил:

– Все в порядке, хорошего вам отдыха!

– Что ты киснешь все время?! – взорвался Юра Космачев. – Тебе сейчас хорошо? Солнце не припекает? Никаких проблем? Так сделай лицо соответствующее!

Алина Гордиенко заискивающе улыбнулась и забормотала:

– Так, Юрочка, все в порядке. Просто мне не привычно.

– Чего нет?

– Не привычно, ну... непривычно, неудобно, значит. Так у нас дома говорят. Я вроде хорошо русский знаю. Мамка моя учительницей русского языка и литературы всю жизнь проработала и меня учила. Но иногда проскакивают украинские словечки.

– Так ты с Украины? Оно и видно! Акцент у тебя, как у хохлов, которые нам в офисе ремонт делали. – Юра выдвинул шезлонг из-под зонтика и уже мягче сказал: – Ладно, прости. Отдыхай. У меня нервы ни к черту стали. Шеф, Филипп Маркович, совсем задергал. И жена его Анна – тоже та еще фифа. Юра то, Юра это. Сорвался на тебя, прости. Мы для них – обслуга. Но друг с другом нам ругаться нечего! Вместе надо держаться. Чтобы ублажать наших

работодателей. Впрочем, все-таки тебе проще. У тебя другой статус. Я за тобой вроде как ухаживать должен...

«Я бы с удовольствием поменялась с тобой местами, – подумала Алина, вытягиваясь на шезлонге и шурясь на солнце. – Может, тогда я бы избавилась от этой палящей ненависти. К ним, к богатым. К себе, бедной и слабой. Надо смириться. Это для Роды. Только для сыночка живу. Все будет хорошо...»

Отца своего сына Алина любила отчаянно. До бессонницы. Губы болели без его поцелуев. Стоит Ивану в командировку уехать – у нее глаза сразу же на мокром месте. И смех и грех. Щиплют обжигающие слезы, по щекам катятся. Не удержать. А Ванечка, шофер, через день в поездку отправляется. Так Алина себя убеждала, что не в Чернигове Иван, не в Киеве, а дома, в родном селе. Стоит лишь перебежать на соседнюю улицу, утопающую в кустах жасмина и сирени, – и там Ваня, любимый, родной. Он рядом. Просто ей... ну недосуг сейчас к нему бежать. Дел по хозяйству много. А так – здесь он, не уехал, близко.

Не любовь, любвища эта случилась с Алиной года через полтора, как Иван стал за ней ухаживать. Не верила она ему долго. Больше не хотела ничего. Ничего и никого.

Потому что была уже у нее одна такая любовь. Ночи лунные, прогулки, шея вся в синяках, отметках страсти. Деревенские сплетницы вслед шушукуются. А не важно это. Сердце бьется, как шальное. И кажется, что самое главное уже случилось. А дальше все будет просто, понятно. И светло. Очень светло.

Тот человек... Алина его специально по имени не называла. Думала: «Он, тот мужчина, тот человек». А как по имени назовет, пусть мысленно, – так сразу холод инструментов чувствует, боль невыносимую... И слышно, как кровь капает. Срок большой у нее уже был. В белой эмалированной посудине среди крови и сгустков ручки виднелись, головка ребеночка.

Тот человек, оказалось, женат. Сразу не говорил. А потом сказал:

– Ты пока аборт сделай. Жена тяжело болеет. Вот поправится, разведусь. У нас с тобой еще будут дети.

Когда любишь – веришь. И ждешь. Еще один раз Алине пришлось идти на такое. Правда, тот человек тогда денег уже дал. Чтобы в столицу поехать. В райцентре-то все без наркоза делали. И Алина в Киев съездила, к кооператорам. Чистенько в том медицинском центре было и врачи приветливые. А что толку с той чистоты? Себя-то не вычистишь. Идешь после, как выпотрошенная, ноги еле переставляешь. Низ живота тянет. Но не от физической боли сердце заходится. Еще один грех на душе. И так хочется, чтобы все закончилось. Чтобы ее саму машиной переехало. Ребенка убить проще, чем себя. Себя – страшнее. Но и жить нет сил.

Алина думала о смерти постоянно. Представляла себя в гробу. Бледное лицо, застывшее. Губы сжаты, руки на груди сложены. И в тот день, когда она в магазине хлеб покупала, тоже думала: «Ведь сбивают людей машины. Люди жить хотят, а их сбивают. Так пусть меня. Меня! Меня!!!» А потом все мысли вдруг испарились. Тот человек в магазин с женой зашел. Алина в первый раз их вместе увидела. Никакая жена не больная. Здоровая. Беременная. Топорщился тугой толстый живот под платьем...

После того человека Алина вообще ни на кого смотреть не хотела. И на Ивана. Но он настойчивым оказался. Отогрел, разморозил ее своей любовью.

Если бы только знать, что все так выйдет, Алина ни за что Ванечку в тот последний рейс не пустила. Прижалась бы к нему, обняла крепко-крепко. Только бы не уезжал...

Родиона Иван так и не увидел. А как любил сына, господи, как он его любил! Алина сама еще не знала, что беременна. Проснулась как-то среди ночи от того, что к животу ладонь прикасается. Иван просто сказал:

– У нас сын будет. Я чувствую, Алька, что он уже есть.

А потом, когда все случилось... Алина тоже выдумывала. Но уже другое. Как раз и представляла: в командировке Иван, в рейс уехал, скоро вернется. Вернется, к животу руку приложит и заулыбается. Ребенок-то толкается.

Она старалась не волноваться. Но когда муж погибает в аварии, все равно нельзя не рыдать, не выть, не сходить с ума.

И сыночек родился с больным сердцем. Сам кроха, сердечко маленькое, а вот поди ж ты, больное, очень больное.

– Оперировать надо до трех лет, очередь на бесплатные операции огромная. Ищите деньги, – честно сказал врач.

Алина искала. Пыталась зарабатывать, света белого не видела. Когда Родьке исполнилось полтора годика, поняла: собрать нужную сумму не успевает. Никак не успевает...

* * *

– Здесь свободно?

Не открывая глаз, прикрытых полупрозрачными очками, красотка томно облизнула блестящие губы. Нарочито медленно коснулась рукой символических красных трусиков. И лишь тогда приподнялась на шезлонге.

Виктор Попов аж приосанился. На мази дело! Столько красноречивых жестов, не может быть, чтобы не клюнула! Но, приподнявшись, барышня разочарованно поморщилась и пробормотала:

– Простите, занято.

– Как зовут хоть скажи, красавица! – улыбнулся Виктор, все еще рассчитывая составить компанию молодой женщине.

– Галина. Вы мне солнце загораживаете!

– Понял. Не дурак. – Он недоуменно хмыкнул и положил свое полотенце на шезлонг в паре метров от строптивой длинноногой красотки. Занято у нее, видите ли. Как же, так он и поверил, старого воробья на мякине не проведешь. Особенно с учетом того, что Виктор уже добрых пятнадцать минут наблюдал за этой дамочкой из окна своего номера. Напрасно только облизывался, как кот на сметану!

«Не хотите – как хотите, – беззлобно подумал Виктор и мысленно напел: – Как много девушек хороших, как много ласковых имен...»

Теперь он со спокойной душой мог себе позволить немного побездельничать.

Снайперская винтовка ждала его именно там, где и обещал заказчик. В полуразрушенном (или недостроенном, у этих египетских ребят с ходу и не поймешь) доме близ рынка Хургады.

Виктор достал оружие из чехла и удовлетворенно осмотрел его. Старая верная СВД²⁷. Ее параметры так же идеальны, как девичьи «90-60-90». Калибр – 7,62, хороший оптический прицел, прицельная дальность тысяча двести метров. Все, что нужно для успешной работы. И изученная к тому же – опять-таки немаловажно для качественного выполнения заказа.

Фотографию клиента Виктору еще несколько месяцев назад сбросили по электронной почте. Чувствуется, заказчик или его команда – ребята с чувством юмора, письмо пришло с адреса Ошибка! Залочка не определена. Виктор щелкнул мышкой по прикрепленному файлу, и на экране монитора появилось типичное лицо бизнесмена средней руки: сытое, довольное и упитанное. В общем, ничего примечательного.

Зато примечательным оказался гонорар. Причем заказчик с ходу согласился на стопроцентную предоплату. Но качество работы Виктора того стоило. Осечек у него не случилось никогда. А секрет прост: полная информация о клиенте и детальное изучение обстановки.

²⁷ СВД – снайперская винтовка Драгунова.

То, что бизнесмена надо устранять за пределами России, Виктор понял сразу. Парень экономил на охране. Судя по представленной заказчиком информации, в Москве «клиента» всегда сопровождали три бодигарда, а вот за границу он летал в компании лишь одного охранника. Неплохим казался вариант ликвидации во время зимнего отдыха. Но любимый отель «заказанного» предпринимателя, как услужливо пояснял сайт в Интернете, располагался в отдаленном от транспортных коммуникаций месте. А это осложняло отход в случае возникновения проблем. Зато когда Виктор изучил предпочтения клиента среди южных курортов, все сомнения отпали. Только здесь, в Египте, в «Sun Palacio». В этом отеле, если судить по фотографиям во Всемирной паутине, удобные сплошные крыши над корпусами. И по ним можно быстро добраться практически до берега моря. Это удобно. Очень часто египетские отели напоминают деревушки. Вдоль побережья разбросано множество домиков. Рельеф местности горный. Отходить очень неудобно. А здесь, в «Sun Palacio», – бегом по крышам и в воду. Отлично!

Номер бронированного клиентом отеля Виктор выяснил еще в Москве. Так что непосредственно в Египте дел оставалось всего ничего: забрать оружие, осмотреть гостиницу бизнесмена. И купить маску и ласты, которые понадобятся после того, как сытый мужичок схлопочет плюю между глаз.

Выполнив все мероприятия из вышеприведенного списка, Виктор вернулся в свою гостиницу. Как и говорил заказчик, с тем, чтобы пронести оружие в отель, проблем не возникло. Лениво задремавший у рамки металлических ворот представитель туристической полиции даже не открыл глаза, когда пронзительно пискнул металлодетектор. И это Виктора обрадовало. Не служба безопасности – видимость. С выполнением заказа при таком отношении охраны к своей работе у него проблем не будет.

В номере он пару секунд размышлял, безопасно ли оставлять здесь оружие.

– Кажется, сегодня комнату уже убирали. Точно – вот и чистые полотенца в ванной, – пробормотал он. – На всякий случай спрячу винтовку за тумбочку.

Потом, надев плавки и смешную панамку, Попов отправился на пляж.

«Клиент прилетает сегодня вечером. Работать буду завтра днем. А теперь самое время поохотиться на симпатичную курочку, которая скрасит мое одиночество, – думал Виктор, лениво наблюдая за ребятишками, строящими на берегу замок. – Может, легкий флирт перерастет в нечто большее? А что? Самое время остепениться, обзавестись семьей. Деньги есть, на здоровье не жалуюсь. Пора. Да еще видения эти. Сплю-то спокойно, кошмары не снятся. Но иногда как картина перед глазами возникает: икона плачет. Губы святого шевелятся, и звучит раскатистое эхо: „Остановись! Покайся!“ Наверное, действительно пора завязывать. Последний заказ выполню – а потом баста!»

Под лучами щедрого солнца женские тела с легким блеском масла выглядели особенно соблазнительно. Виктор даже перевернулся на живот и подпер голову руками – так удобнее обозревать поле предстоящей охоты.

Блондиночка с проколотым пупком очень даже ничего. Отменяется: к ней топает пузатый тюлень с запотевшей бутылкой минералки. Еще одна блондинка. Черт, намазывает ребенка кремом, рядом муж. Брюнетка, шатенка, снова черненькая...

Скользнув взглядом по очередной тонкой женской щиколотке, Попов вздрогнул. Этот шрам! Он как две капли воды похож на тот, который Виктор видел несколько лет назад, когда пришлось сидеть за решеткой.

Да, сидел. Сел по-глупому. Накостылял какому-то хрычу, изводившему соседку. Роман-тик, блин. Рыцарь благородный. А тот хрыч только то, что соседке не нравится, не догонял. А так вообще дядька, чувствуется, сообразительный. Быстренько так заяву ментам накатал. Тяжкие телесные. Ничего не попишешь. Небо в клеточку. Но адвокат толковый попался. Писал апелляции и добился-таки, выпустили.

Но шрам! Похож, ох как похож. Очень любопытно... Надо бы потолковать с его обладательницей. Если это она – то за ней должок...

Почувствовав бесцеремонный взгляд, женщина обернулась. Ее глаза прикрывали черные очки. На губах заиграла приветливая, ни к чему не обязывающая и почти европейская улыбка.

Это действительно она? Неужели та самая? Или нет? Все-таки столько лет прошло...

«Поговорю с ней завтра вечером. Кажется, я видел ее накануне за ужином, хотя не уверен. Ладно, хрен с ней. Подождет. Не перед работой же разборки устраивать! – решил Виктор, поднимаясь с шезлонга. – Да и охоту на курочек, пожалуй, следует отложить. В этой жаре с ума сойти можно...»

Захватив в баре бутылку пива, Попов вернулся в свой номер, включил кондиционер, спрятал бесцеремонное солнце за плотными шторами и провалился в глубокий сон.

Он всегда засыпал мгновенно, едва голова касалась подушки. Спал крепко. Кошмары ему не снились. И совесть не мучила. Хороших людей убивают бесплатно. Хороших, молодых, которым жить да жить. Убивают сотнями, тысячами.

Чудом уцелев после первой чеченской войны, Виктор начал зарабатывать тем, чему его научили на Кавказе. Смотреть в прицел, нажимать на курок. Нормальных людей киллерам не «заказывают». Проплачивают, чтобы не стало уродов. Которые ради «бабок» на все готовы и в конечном итоге виноваты – прямо ли, косвенно – в творящемся в России бардаке. Уродов не жалко.

Виктор спал крепко, без сновидений. Проснулся лишь перед ужином и, улыбнувшись, пробормотал:

– Работа работой. Девочки – самой собой. Но пайка – по расписанию...

Ей вмиг стало холодно. Захотелось надеть майку или даже свитер. А еще лучше вернуться в номер, выключить кондиционер, спрятаться с головой под одеялом. И просто забыть. Забыть обо всем...

Она заставила себя как ни в чем не бывало улыбнуться и остаться на пляже. Теперь не время давать волю эмоциям. Потом, все потом, когда она как следует обдумает неприятную новость.

Но думалось плохо.

Испитое лицо отчима, ее вечный кошмар, призрак прошлого. Он вновь протягивал к ней руки... Крошить топориком его тело – какое наслаждение... Он получил по полной программе за все, что с нею сделал, так ему и надо, так скотине и надо...

После ареста адвокат честно предупредил: «Придется посидеть. Наши суды не выносят оправдательных приговоров по делам об убийствах с особой жестокостью при самообороне. Если бы еще было убийство по неосторожности с целью самообороны – можно было бы рассчитывать на отсрочку или условное наказание. Но твое дело так классифицировать нельзя. Какая неосторожность! Ты же отчима пошинковала в капусту. На учете в комиссии по делам несовершеннолетних состояла. И психиатрическая экспертиза не в твою пользу. Ты признана вменяемой. Мне врач говорил, что есть у него кое-какие сомнения. Но он считает, что лучше тебе на зону пойти, чем в больницу. Ты молодая, из зоны здоровой вернешься. А лечение в „дурке“ – оно бесследно не проходит, тебе же еще детей рожать. В общем, сразу готовься к тому, что несколько лет придется провести за решеткой».

С учетом всех обстоятельств суд дал ей всего два года тюрьмы.

До суда она находилась под подпиской о невыезде. Следственного изолятора удалось избежать, адвокат свое дело знал.

Как же страшно было представлять, что скрывается за словом «тюрьма»! Вроде и не хочешь думать на эту тему, а все равно думаешь. Наверное, там зэчки избивают друг друга. А ментам на все наплевать, защиты от них не дождешься. Еда плохая, сырость, болезни...

Может, на мужских зонах оно и на самом деле все так мрачно. Как в книгах, в фильмах. Женская тюрьма – тоже не курорт. Но жить там можно. Конечно, один раз пришлось в карцере посидеть. Расцарапала Верке лицо, хорошо так расцарапала. А чтобы не лезла ночью к ней под одеяло, ерунды всякой не говорила! В общем, в карцере посидела: холодно в камере, еда фиговая. Зато Верка больше не приставала, только смотрела на нее все украдкой, грустно смотрела. А так кормили на зоне нормально, сытно. На работу водили, рукавицы шить. Это тоже хорошо. Давит ведь барак на мозги, койки эти рядами, и все по сигналу, по команде. А контролеров девчонки любили. Дрались, можно сказать, за ментов, молодых, старых – без разницы. Главное – чтобы «залететь» получилось. На территории зоны находился дом ребенка. Зона в зоне, можно сказать. А на самом деле – вот там санаторий. Для деток в доме ребенка все условия. Пока беременная – кормят получше, передачи родственникам разрешают дополнительные присылать, свиданки дают чаще. А родила – тоже хорошо. К ребенку ходи хоть каждый день. А там и телевизор, и магнитофон. Многие поэтому и рожали. Чтоб было куда из барака убегать. Но она про ребенка и не думала. Какой ребенок – ей всего два года дали. А полгода еще «скосят» за хорошее поведение. Но болела. Болела часто. Устав бороться с вечными бронхитами, врач даже отправил ее с женской зоны в госпиталь. Там и мужчины лечились, отдельно, конечно.

И вот там-то ее как прорвало. Обычно она не откровенничала. Даже девчонки в бараке про ее дело подробностей не знали. А в госпитале как черт за язык потянул... Виктор Попов так романтично пробрался из мужского отделения к ней в палату. Среди ночи! И не лапал, не приставал, даже не намекал ни на что такое. Просто расспрашивал. И слушал. Как он слушал! Она и сама не заметила, как рассказала о том, при каких обстоятельствах появился тонкий белый шрам на щиколотке.

Рассказала – а потом безумно испугалась. За откровенность Виктор заплатил откровенностью. Больше она никогда не оставляла окно палаты открытым. От людей с таким прошлым лучше держаться подальше.

У нее получилось начать жизнь с чистого листа. Новое имя, другой город – да все изменилось. Только злополучный шрам остался. И единственный человек, знавший о ее прошлом.

«Никто ничего не должен узнать. Особенно с учетом того, что задумано, – твердо пообещала она себе. – Но надо поторопиться. Хотя я ума не приложу, как можно расправиться с профессиональным киллером!»

– И вот, вернувшись в шалаш, Исида с ужасом увидела, что ее ребенок задыхается и хрипит. Она поняла, что Гора укусил скорпион. В считанные минуты ребенку становилось все хуже и хуже...

Прислушавшись к дребезжащему с соседнего шезлонга голосу, женщина довольно улыбнулась. Хоть какая-то польза от занудного профессора, мешающего загорать всему пляжу своими рассказами. А может, это вариант? Надо попробовать...

Кондиционер в кабинете начальника службы безопасности «Aton's hotel» Джамала Фулани работал на полную мощность. Но после звонка с рецепции на лбу мужчины мгновенно выступили крупные капли пота.

Невероятно. Такого на его памяти еще не случалось.

У постояльцев гостиницы воровали вещи, туристы ломали руки и ноги во время прогулок по коралловым рифам, тонули в море и обгорали на солнце, но все эти неприятности в любой комбинации никогда не приводили к летальному исходу. В голове не укладывается – постоялец умер от укуса скорпиона...

Дежуривший на этаже уборщик, как выяснилось, открыл своим ключом номер 207, в котором проживал Виктор Попов, ближе к полудню.

– Таблички с надписью «Do not disturb» на дверях не было. Но к завтраку гость не спустился, и я решил, что он спит, – объяснял уборщик Джамалу, пока тот растерянно оглядывал

распростертое на полу окоченевшее тело. – Однако к обеду я убрал все номера, кроме 207-го, и мне не хотелось оставлять работу незаконченной...

Покойник лежал на животе. На спине и правом бедре русского постояльца красовались светло-розовые вспухшие пятна размером с финик. Джамаль знал эти пятна, появляющиеся от укусов скорпиона. Крохотная ручка его племянника стала точно такой же, после того как он потрогал насекомое. Но они, местные, куда менее восприимчивы к яду, и ребенка сразу же понесли к врачу...

Почувствовав обжигающие укусы, Попов, видимо, вскочил с постели и попытался позвать на помощь, но силы покинули его раньше. Возможно, он страдал аллергией – шея, руки и ноги покойного вздулись от отеков...

– Номер осмотрел? – спросил Джамаль.

Уборщик кивнул:

– Да. Скорпионы, три штуки. Один заполз под простыню, и постоялец раздавил его. Два затаились возле кровати. И еще парочку нашел в общем коридоре. В остальных номерах чисто. Насекомые были очень большими. Таких специально разводят, чтобы делать сувениры для туристов.

Джамаль насторожился. Шансы, чтобы скорпион вот так вдруг попал в гостиничный номер, ничтожно малы. Ядовитые насекомые часто заползают в деревенские дома, но в городах их почти нет. Тем более таких, особо крупных, специально откармливаемых для усиления роста. Высушенных скорпионов в коробочках со стеклянными крышками можно приобрести в Хургаде на каждом углу. В том числе и сувенирных лавках отеля, где еще продаются и насыпанный в бутылочки разноцветный песок, и парфюмерия, фигурки богов, прочие мелочи. Но, может быть, Попов решил привезти домой живых скорпионов, и они расплозились по номеру?

Однако беглый осмотр комнаты не выявил никаких подтверждений энтомологических пристрастий покойного. Отсутствовал даже сосуд, из которого, предположительно, могли удрать насекомые.

И тогда начальник службы безопасности принял единственно возможное в этой ситуации решение: опросить в первую очередь русских постояльцев отеля. Земляки, как правило, легко находят друг с другом общий язык.

А начальнику службы безопасности «Aton's hotel» было просто необходимо получить полную информацию об этом происшествии. В противном случае репутация отеля пострадает, уж конкуренты постараются объяснить произошедшую трагедию нерадивостью персонала «Aton's hotel».

Уставившись в подготовленный сотрудниками службы размещения список гостей, приехавших из России, Джамаль потянулся к телефонному аппарату...

Девушка, значившаяся в списке как Лика Бронская, едва появившись в кабинете, забросала его вопросами на беглом английском:

– А почему вас интересует Виктор Попов? С ним что-то случилось? Вы полицейский? Следователь?

– Угомонись, – одернул ее спутник, тоже на английском. – Ты же слова человеку сказать не даешь!

– Так он же ничего не объясняет! Откуда мы знаем, зачем ему информация?!

Джамаль мысленно чертыхнулся. Какая активная туристка... И сразу же заговорила о полиции. Нет, к полицейским обращаться рано. Владелец гостиницы открытым текстом сказал: никакой полиции до результатов внутреннего расследования. Если в смерти Попова виноват персонал, то Джамалю предстоит сделать все для того, чтобы правда о произошедшем никому не стала известна. Конкуренция в их бизнесе жесткая.

– С Виктором Поповым, – нехотя начал начальник службы безопасности, – произошел несчастный случай. Он погиб. Мы проводим собственное расследование. У меня к вам большая просьба: пусть содержание этой беседы останется между нами.

И он коротко изложил хронику произошедших событий.

– Ну и дела! – присвистнул Паша. – Теперь ни за что спать не лягу, пока номер не осмотрю. Не повезло мужику. Как обидно-то, правда?

– Знаете, с Виктором мы не общались, – задумчиво произнесла Лика, явно вспоминая подробности разговоров с покойным. – Но он, честно говоря, сразу показался мне подозрительным...

Паша счел нужным пояснить:

– Понимаете, моя девушка пишет детективы. Творческая личность. Ей все кажется безумно подозрительными.

Лика вспыхнула от возмущения и обиженно заговорила:

– Виктор всегда держался особняком от нашей русской группки. Сам к общению не стремился. На вопросы отвечал приветливо, но не более того. А еще я заметила, что он ни разу не появлялся на консультациях с гидом. Все приходили, расспрашивали об экскурсиях – а его не было.

Паша недоуменно пожал плечами:

– А если не интересовали человека пирамиды? Если он приехал просто на солнышке поваляться после напряженной работы? Ты такой мысли не допускаешь?

– А часто ты видел его на пляже? Я лично – только один раз. Причем он, кажется, сразу же обгорел и ушел в номер. Во всяком случае, на пляже он пробыл совсем немного времени...

Джамаль потер виски. Час от часу не легче. Чем же он тогда занимался, этот Виктор Попов? Разве что отсыпался в своем номере. Впрочем, есть ведь и такие туристы. Приезжают – и дрыхнут сутками напролет. Каждому свое.

Тяжело вздохнув, начальник службы безопасности поинтересовался:

– А вы не помните, может, у него были конфликты? С гостями отеля или обслуживающим персоналом?

Паша отрицательно покачал головой, а Лика уверенно заявила:

– Никаких конфликтов у него быть не могло. Я в этом не сомневаюсь. Он такой был весь... Ну не знаю, хоть к ране его прикладывай... Вежливый, предупредительный и вместе с тем... В русском языке есть такое слово – никакой.

– Не понял, – заметил Джамаль.

Лика на секунду задумалась, подбирая английские синонимы.

– Понимаете, человек, о котором сложно сказать что-то определенное. Обычно все просто. Один человек – хороший, второй – не очень, третий – вообще отвратительный. А вот какой Виктор – и сказать сложно.

– Теперь понял. Вы правы. Его вещи... Среди них не обнаружилось ничего личного. Никаких записных книжек, фотографий, книг. Он вам не рассказывал, чем занимается?

Лика и Паша только недоуменно пожали плечами.

И все же Джамаль узнал ответ на этот вопрос, сняв трубку зазвонившего телефона.

– За стенкой бюро, на котором стоит телевизор, мы нашли чехол. В нем оказалась винтовка с оптическим прицелом, – доложил сотрудник службы безопасности, получивший задание повторно осмотреть номер.

– Вам что-то сообщили, да? – поинтересовалась Лика. – Вы даже как-то повеселели сразу.

Джамаль уклончиво заметил:

– Не знаю, хорошие ли вы пишете книги, но в проницательности вам не откажешь.

Он сам уловил в своем голосе призывно-обволакивающие нотки. Симпатичная девушка. Если бы не дела и не парень рядом с ней...

– Объяснитесь. Вы ведь хотите, чтобы мы молчали про этот разговор!

– Шантажистка! – взорвался Паша. Вскочив с кресла, он схватил свою спутницу за руку. – Пошли загорать! Вы спросили все, что хотели?

– У него в номере нашли винтовку, – сдался Джамаль. – Но мне кажется, что ваши глаза тоже могут попасть прямо в цель. Хорошего вам отдыха в «Aton's hotel».

– Ничего себе охрана в отеле! – воскликнула Лика. – Хотя чего еще ожидать?! Я обратила внимание: никто через ворота, установленные у входа в главный корпус, не ходит. Туристов много, все торопятся. А охранник никак не реагирует на нарушения. Тут не то что винтовку – бомбу в ваш отель пронести можно!

Выпроводив постояльцев, Джамаль разыскал телефон знакомых тележурналистов. Те сделали все в лучшем виде. Просто жертва бандитских разборок среди русских. И – ни малейшего упоминания о нерадивости сотрудников «Aton's hotel».

С остальными русскими, отдыхающими в гостинице, Джамаль даже не встречался. Необходимости больше не было. К тому же чем меньше разговоров – тем лучше для репутации отеля.

В идеале, конечно, хотелось бы вообще избежать общения с прессой. Но Джамаль понимал: все равно информация уйдет, кто-то из сотрудников отеля проболтается знакомым или родне. Слухи дойдут до конкурентов, а уж они-то тогда такое раздуют! Гость умер! А персонал «Aton's hotel» по этому поводу молчок!

Лучше уж задействовать знакомых телевизионщиков. Тем более что репутация русских известна. Что взять с бандитов?!

Глава третья

Вернувшись в номер, Вадим Карпов первым делом впился взглядом в загоревшее лицо супруги, выискивая на нем следы возможной измены. Света смущенно потупилась, и это Вадиму совершенно не понравилось.

– Что произошло? – бдительно поинтересовался он. – К тебе опять клеились арабы? Может, купим паранджу?

Она слабо улыбнулась, но голубые глаза смотрели встревоженно.

– Вадим, мне кажется, в нашем номере кто-то был, – тихо сказала Света.

– Почему? Что-то пропало?

– Нет, но запах...

– Какой запах?

– Не наш... Чужой, понимаешь?

Вадим облегченно вздохнул. Обоняние у жены и правда феноменальное, Света без проблем могла угадать название туалетной воды, которой пользуются окружающие. Но в номере же каждый день убирают, причем разные люди.

– Нет, – она продолжала настаивать на верности своего мнения, – запах чужой. Правда. Ребятам, убирающим номер, такая парфюмерия не по карману. Парфюм на бесспиртовой основе, очень легкий, едва уловимый. Похож на унисекс «One» от «Calvin Klein», но я не уверена.

– Так тебе есть чем заняться! Обнюхивай постояльцев! – пошутил Вадим, любуясь изящной фигуркой жены. Какая же она все-таки красавица!

– Бесполезно, – разочарованно протянула Света. – У тебя с собой сколько флаконов туалетной воды?

– Не помню.

– А я помню – два. А у меня пять.

– Слушай, не дури мне голову! – не выдержал Вадим. – Пошли лучше пообедаем. Кстати, я взял напрокат автомобиль, купил карту. Завтра вечером отправимся в Луксор.

– Уже завтра? – Света вздрогнула. – Ты же хотел потом, после общей экскурсии.

Да, он так и планировал: вначале осмотреть окрестности днем, прикинуть место предполагаемых раскопок, а потом вернуться туда ночью. Но экскурсия в Луксор только в субботу, а сегодня всего лишь понедельник.

– Понимаешь, не терпится, – признался Вадим. – Какой отдых, когда знаешь, что где-то рядом, возможно, зарыто сокровище.

– Мне нужно переодеться к ужину. Я быстро.

– Ясно. Значит, у меня минимум полтора часа времени.

Вадим достал из пакета, с которым он расставался разве что ночью, тетрадь в темно-коричневом переплете. И погрузился в чтение...

«Поломка оборудования в штабе командования оказалась совершенно незначительной. Я быстро поменял сгоревшие предохранители, проверил показания приборов. Датчики работали четко, как часы.

Полные губы переводчика Аль-Фарида под тонкой ниткой усиков расплылись в одобрительной улыбке:

– Молодец, быстро управился. Теперь, если проблемы возникнут, мы только тебя всегда вызывать станем. Пошли прогуляемся по Каиру. Машина за нами еще через два часа придет.

Степень моей радости описанию не поддавалась! Студенческий восторг при известии о заболевшем преподавателе не идет ни в какое сравнение с перспективами увидеть нечто боль-

шее, чем раскаленная бескрайняя пустыня и экран электронно-лучевой трубки. Пески сводили нас, русских солдат, с ума. Так хотелось увидеть лесную опушку, речку. Хоть березку. Хотя бы ее веточку. Лишь один листочек! Кругом расстилалась пустыня, и иногда возникало впечатление, что песок приближается, приближается, засыпает целиком и полностью...

Стараясь не упустить из виду светлую, прилипшую к спине рубашку Аль-Фарида, я упивался звуками шумной улицы. Трещала арабская речь спешащих прохожих, отчаянно сигнализировавшие мимо автомобили (кстати, в большинстве своем советского производства).

А как заманчиво щекотали ноздри запахи жареного мяса и пряностей! Старцы с морщинистыми лицами, в длинных серых халатах, с платками на головах, дремлющие в тени навесов лавочек, казалось, перенесли на площадь Тахрир со страниц восточных сказок.

– Дай фунты, дай пиастры! – набросившиеся, как саранча, чумазые мальчишки дергали меня за рукав. – В лавку, зайди в нашу лавку, получишь подарок!

– Лаа, шокрэн, – пробормотал я. – Нет, спасибо!

Аль-Фарид рассмеялся:

– Олег, по-моему, переводчик тебе не нужен. Ты уже сам говоришь по-арабски.

„По-китайски научишься говорить, прежде чем объяснишь египетским солдатам, как пользоваться нашей техникой“, – подумал я.

Но такие рассуждения лучше оставлять при себе. Египтяне обидчивы, как дети. Наш человек на аналогичное замечание плюнул бы и забыл. С египтянином можно испортить отношения из-за любой ерунды. Так что лучше помалкивать на темы, которые могут задеть самолюбие восточных людей.

– Что ты остановился? „Нил-Хилтон“ не видел?

– Да откуда у нас в Союзе „Хилтон“?! Не видел никогда таких гостиниц, – сказал я и тут же пожалел. Получается, вроде как недоволен своей великой социалистической родиной, находящейся на верном пути исторического развития.

А впрочем, чего скрывать, да – был недоволен, злился... Понятно, за что воюют египтяне – за Синайский полуостров, дельту и русло Нила, за те же пирамиды. Но что делаем здесь мы? Почему я должен париться в душном кунге, пеленгуя израильские самолеты? Мы стали заложниками высокой политической игры. Мы были просто пушечным мясом. И не стоит говорить о том, что рассуждать – не дело солдата. Мне кажется, те приказы, в которых нет логики, – они обсуждаются! Как же наивен я был, явившись в военкомат по собственному желанию...

У сверкающего здания отеля отчаянно потел швейцар в темно-синем костюме, в надвинутой на лоб фуражке с золотой окантовкой. В двух шагах от него, на повозке с понурым осликом, брызгалось оранжевое пятно апельсинов, сложенных высокой горкой.

У меня невольно вырвалось:

– Понимаешь, Аль-Фарид, я попытался представить лошадку у гостиницы „Москва“ – и у меня ничего не получилось.

– Каир вообще город контрастов. Когда-то на площади Тахрир было болото. Его осушили по приказу хедива Исмаила. Здесь даже своеобразную имитацию Парижа пытались строить. Там дальше уцелело несколько зданий в европейском стиле и мост Каср-эль-Нил. Хотя Восток всегда останется Востоком, и его дух не изменит никакая архитектура. Знаешь, а мне нравится наша жизнь – спокойная, неторопливая, размеренная. – Он бросил взгляд на часы и добавил: – У нас еще есть время. Покурим кальян?

Вспомнив о том, что, к сожалению, должен достойно представлять Советскую армию, я уточнил:

– Это же не наркотики?

– Ароматизированный табак. Пошли же, сам убедишься...

Он уверенно рассек шумящую толпу, увлекая меня за собой. Мы спешили вдоль настырных продавцов сладостей, колоритных сувенирных лавок, чередующихся со строгими фасадами административных учреждений и остовами каких-то недостроенных зданий.

Я думал, мы расположмся на открытой террасе одного из многочисленных кафе. Однако Аль-Фарид толкнул незаметную дверь серого трехэтажного дома, из окон которого свешивалось сохнувшее на веревках белье.

– Это жилой дом, а на первом этаже закусочная, – пояснил он, видя мою нерешительность. – Настоящее заведение для своих. Туристов здесь нет.

Я бы лично предпочел местечко попрестижнее душного, прокуренного полутемного зала с не очень чистыми столиками. Недружелюбный хозяин у стойки обжег мою славянскую физиономию подозрительным взглядом черных глаз. Только ради Аль-Фарида, старавшегося мне угодить, я изгнал мысли о том, чьи губы раньше касались деревянной трубочки мундштука. Может, предполагалось, что мундштуки кальянов одноразовые? Однако на моем явственно виднелись следы зубов...

– А почему здесь так много людей? – удивился я. – Сейчас полдень, самое время работать.

– Жарко, – флегматично пояснил Аль-Фарид, выпустив сизое облачко дыма. – У большинства горожан свои лавки. Они открывают их рано утром и ближе к вечеру, когда солнце уже печет не так сильно. Мужчины пережидают солнцепек в том числе и здесь, за кальяном.

– А женщины в Египте вообще есть? Их почти не видно на улицах. А если и появляются, то закутанные с ног до головы, и невольно возникает такое впечатление, что они все время норовят побыстрее спрятаться.

Аль-Фарид тяжело вздохнул:

– Наше общество в этом плане традиционно. Место женщины – дома, рядом с детьми. Отец рассказывал, что женился, не видя даже лица своей невесты. Мою будущую мать осмотрела бабушка и сказала отцу, что девушка ему вполне подходит.

Я аж подавился яблочным дымом:

– А если бы он решил, что придерживается другого мнения?

– Наверное, он был бы несчастлив, – заключил Аль-Фарид. – Но, ты знаешь, постепенно Европа все же оказывает влияние и на Египет. В Каирском университете появляются все больше женщин. Они получают образование, устраиваются на работу. Кстати, вот и одна из таких студенток. Сейчас я вас познакомлю...

Заинтригованный, я наблюдал за прорисовывающейся в сером мареве фигурой. Волосы невысокой девушки скрывал платок, а ее глаза... Огромные карие миндалевидные глаза с такими густыми ресницами, что, когда они взметнулись, мне показалось, это черные бабочки трепещут крылышками. Я погиб сразу же, как их увидел.

– Амира, принцесса моя, это Олег. Он из Советского Союза. Можешь попрактиковать свой русский. У этого-то парня, в отличие от меня, нет акцента.

Она присела на соседний стул и с любопытством меня оглядела.

– Как же я буду с ним разговаривать, если он все время молчит?

Какой нежный голос. Так и слушал бы его до бесконечности.

– Я... Я не молчу. Здравствуйте!

– Аль-Фарид, ты уверен, что он русский? Все-таки он не очень хорошо разговаривает.

Переводчик всплеснул пухлыми ладошками:

– Амира, да он дар речи утратил. Как и любой мужчина, который на тебя только посмотрит. Он просто онемел, вот и все.

– О-не-мел, – повторила она. – Большие не говорит. Понятно. Вы солдат, да? Мы бесконечно благодарны советским солдатам!

Я начал рассказывать ей обо всем. О Москве и наших зимах. О том, что мне понравился Каир и не понравился кальян. Да, в общем, о сотне разных мелочей, которые приходят на ум мужчине, желающему произвести впечатление на симпатичную девушку. Только про исправно пишущую „в Москву“ письма Машу я промолчал. Как можно говорить о том, что позабыл в считанные секунды?

– Ты еще приедешь? – спросила Амира, когда Аль-Фарид выразительно щелкнул пальцами по циферблату. – Мне понравилось с тобой говорить.

– Не знаю. – Я с надеждой посмотрел на переводчика. – Может быть.

– Да приедет он, Амира, приедет. – Аль-Фарид хитро подмигнул. – Но мне кажется, ты спрашиваешь не только потому, что хочешь изучать русский язык!

Девушка вспыхнула и протянула узкую ладошку.

И лишь по отдернутому после прикосновения моих губ запястью, пахнущему сандаловым маслом, я понял: Амира рассчитывала просто на прощальное рукопожатие.

Я же соображал все хуже и хуже. Голова превратилась в роящийся улей нежных непристойностей.

– Ты это, поаккуратнее, – сказал Аль-Фарид, когда мы уже тряслись в кузове мчавшегося в часть грузовика. – Она хоть и студентка и довольно свободно общается с людьми, но у нас очень консервативное общество. Догадываешься, о чем я?

– Конечно. Я только одного не могу понять. Почему ты, познакомившись с такой девушкой, не женился на ней?

Аль-Фарид рассмеялся:

– Куда мне! У меня уже есть две жены. Во-первых, жениться дорого. Надо привести отцу будущей жены двадцать верблюдов или дать денег, за которые можно этих верблюдов купить. Если даришь подарок одной жене – надо дарить такой же подарок и другой. Во-вторых, зачем мне еще третья жена, с двумя бы разобраться!

– Ругаются между собой? – саркастически поинтересовался я. У меня просто в голове не укладывалось – две жены!

– Нет, почти не ругаются. Разве что по мелочам повздорят. Можно сказать, они подруги. Я бы не смог жениться на второй без согласия первой. Вдвоем им проще заниматься домом и детьми. Три дня я сплю на половине первой жены. Три дня – на половине второй. А еще один день у меня выходной.

– При общении с Амирой выходные не потребуются!

Переводчик пожал плечами:

– Я тебя предупредил. Она, кстати, из богатой, влиятельной семьи. Амира с родителями долгое время жила в Европе. Поэтому совершенно не похожа на типичную египтянку. Но ты держи себя в руках. В наших традициях уважительное отношение к женищине...

Я всегда любил технику. Микросхемы, транзисторы, резисторы и все эти маленькие светло-серые гаечки и красно-зеленые проводки представлялись мне неким организмом, изучив который можно совершить чудо. И вспыхивает экран телевизора, и подает голос радиоприемник, оживает рация, а в телефонной трубке раздаются гудки. Эта любовь была взаимной. Приборы и механизмы в штабе командования ломались в полном соответствии с моими планами: часто и по мелочам. Правда, остатки рассудка, видимо, все же сохранились в моем задурманенном любовью сознании. Я никогда не ломал, чтобы потом починить, устройства оперативной передачи информации и управления личным составом.

Аль-Фарид все понял после третьей поломки внутреннего телефона в кабинете высокого начальника. И я понял, что он понял, и мы оба сделали вид, как будто это в порядке вещей. Ему тоже до смерти надоело торчать в пустыне, а прогулки по Каиру – хоть какое-то, да развлечение. Он тактично отворачивался, когда я просил знакомого пацаненка из лавки:

– Сбегай за Амирой. Вот тебе твой бакишии.

После первой же встречи мне захотелось сделать ей подарок.

– Кошку, купи кошку, – неожиданно заболботал по-русски пожилой египтянин, пока я рассматривал выставленные в его лавочке фигурки.

От кошки – довольно противной, на мой взгляд, – на статуэтке осталась лишь тощая морда. Тело же было вполне человеческим. Руки, ноги, балахон – все как полагается.

– Кошка – это карашо, – не унимался продавец.

Купил я эту кошку. На самом деле мне очень понравился камень, из которого ее изготовили, – светло-розовый, чуть теплый на ощупь, он, как мне казалось, наилучшим образом отражал колышущуюся во мне нежность.

А хорошенькое смуглое личико Амиры вмиг побледнело.

– Анубис, – прошептала она. – Бог с головой шакала, проводник в царстве мертвых...

– Не расстраивайся! Я же не знал. – Амира так испугалась, что я никак не мог решить, что лучше: утешать или оправдываться. – Пошли, поколотим лавочника. А хочешь, я отсеку его противную бабку? Ты мне посоветуешь, где изловить шакала, и мы превратим мерзкого дедка в этого вашего Анубиса!

Ее реснички, трепещущие крылышки черных бабочек, стали влажными от слез.

– Предсказание, – прошептала Амира. – Когда я только родилась, в наш дом пришла женищина и сказала: „Ваша дочь зацветет, как фруктовый сад. Но на этих деревьях никогда не появятся плоды. Все будет у девочки: здоровье, красота, любовь. Но Анубис заберет ее в царство мертвых“. Знаешь, у нас дома никогда не было статуэток Анубиса. Есть Хефри, жук-скарабей. Ты как-то говорил, что тебе жук не нравится. А мы любим Хефри. Для нас это символ жизни, солнца, возрождения. Жук живет всего две недели, зато после его смерти с первым лучом солнца на землю выходят пятьдесят маленьких скарабеев... Да, а еще у нас дома есть Хорахти, его изображают с соколиной головой и солнечным диском. Есть львица Сехмет. А вот теперь появился и Анубис.

– Выброси! Да я сам это сделаю!

Я попытался выхватить злополучную „кошку“, но Амира ловко спрятала статуэтку за спину.

– Это ничего не изменит, – грустно сказала она. – А мне будет приятно, что в моем доме будет твой подарок. Пойдем!

– Куда?

– Ко мне домой. Я приглашаю тебя в гости.

Я замялся. Как-то неудобно общаться с ее родными. Что им говорить?

– А это ничего, что у меня нет двадцати верблюдов?

Амира рассмеялась:

– Ты не понял! Я не приглашаю тебя знакомиться с родителями. Я живу не с ними. Так что сватовство отменяется.

Оставалось лишь ахнуть:

– Ты живешь одна? Мне рассказывали, что у вас это невозможно. Незамужняя девушка, по вашим правилам, не может себе этого позволить.

– Не может. Поэтому я живу со старшим братом и сестрой. Они тоже студенты. Папа купил нам квартиру в Каире. А родители остались в Луксоре. Пойдем, у нас мало времени.

Мне почему-то казалось, что Амира непременно должна жить в царском дворце. А где еще обитают принцессы, прячущие волосы за тугим хеджабом, скрывающие гибкое стройное тело под просторным платьем до пят? При каждом едва уловимом движении с рук Амиры осыпались браслеты и, споткнувшись о запястье, звонко дзинькали. Даже тонкие щиколотки девушки обвивали золотые цепочки. Красавица принцесса! Она бы идеально вписалась в роскошный интерьер под полукруглыми дворцовыми сводами....

Однако в сопровождении заунывной песни таксиста мы добрались до острова Гезира, оштетинившегося кварталами высоких современных зданий. В доме моей принцессы имелся даже лифт, что после спартанских условий солдатского быта показалось мне высшим проявлением цивилизации.

Ее небольшая комната, с голубой лентой Нила за окном, оказалась забитой стопками книг русских классиков – Толстой, Достоевский, Лермонтов.

Лично на меня вся эта писанина всегда навевала тоску. Дневник я начал вести лишь потому, что мне захотелось как-то отметить вехи довольно необычного периода собственной жизни. Это формула, чертеж, схема происходящих со мной событий. Но читать про какого-нибудь мающегося от лени субъекта вроде Обломова мне казалось довольно малоинтересным.

А у нее – такой интерес к чужой культуре...

– Амира, а почему ты решила выучить именно русский язык?

Карие звезды померкли за облаками печали.

– Та женищина... Которая сказала, что Анубис заберет меня в царство мертвых молодой... Она сказала, что моя любовь придет из далекой снежной сильной страны. Это же Россия.

– Сначала я убью лавочника, всучившего мне „кошку“. А потом отыщу эту тетку-предсказательницу и скажу ей пару приятных слов.

– А я бы ей сказала спасибо. – Амира поднялась с тахты. – Подожди меня здесь, хорошо? – Она скрылась за дверью и прокричала из соседней комнаты:

– Ты только подумай, как бы мы с тобой общались, если бы я не говорила по-русски. Ты же арабского не знаешь?

– Всего пару слов! Спасибо, пожалуйста. Да, еще мне египетские солдаты объяснили, что у вас слова „красивая“ и „любимая“ объединены в одном – „хабиби“. Знаешь, что-то в этом есть. Любимые не могут быть некрасивыми, правда?

Она вернулась, и эти минуты я запомнил до мельчайших подробностей.

Водопад черных волос. Полупрозрачный красный костюм со сверкающими нитями бус. Звенящие монетки повязанного на бедрах платка. Гибкие пластичные движения завораживающего танца. Манящая улыбка, лукавый взгляд, и все это так прекрасно и неожиданно, что я взмыл высоко вверх, над этим миром, над Вселенной...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.